

М.М. Кульшарипов, А.М. Юлдашбаев

Заки Валиди как политик и ученый-востоковед

**Исполком Всемирного курултая башкир
ГОУ ВПО Башкирской государственной университет**

М.М. Кульшарипов, А.М. Юлдашбаев

Заки Валиди как политик и ученый – востоковед

Уфа – 2010

Настоящее общественно-политическое издание
рекомендовано к публикации Советом исторического
факультета ГОУ ВПО БашГУ

Компьютерная верстка и обработка материала: Калимова Г.Р.

Кульшарипов М.М., Юлдашбаев А.М.

Заки Валиди как политик и ученый-востоковед. Уфа, 2010. с.

Данное издание включает в себя статью, в которой вкратце изложена общественно-политическая и научная деятельность З. Валиди. Подвергнуты обоснованной критике всякого рода измышления вокруг имени выдающегося ученого-востоковеда и основателя Башкирской территориальной автономии. В книге имеется приложение, в котором опубликованы воспоминания зарубежных ученых о З. Валиди, а также выдержки из документов, связанных с национально-государственным строительством в Башкортостане в 1917-1920 гг.

Материалы книги помогут широкому кругу читателей иметь объективное представление о личности З. Валиди.

Введение

В этом году Республика Башкортостан будет отмечать целый ряд знаменательных дат: 20-летие принятия Декларации о государственном суверенитете республики, 120-летие со дня рождения А.-З. Валиди – основателя Башкирской территориальной автономии и выдающегося ученого с мировым именем. Также в 2010 году состоится III Всемирный курултай башкир, который должен рассмотреть и принять важнейшие решения о дальнейшей судьбе башкирского народа, республики в целом.

В свете вышеуказанных замечательных юбилеев и важнейшего форума башкирского народа большую актуальность и значимость приобретает издание работы с документальными приложениями, посвященной А.З. Валиди, вокруг личности которого развернулась в последнее время острая идейно-политическая борьба, инспирированная невежественными и шовинистически настроенными противниками Республики Башкортостан, башкирского народа.

Очевидно, что хулители А.З. Валиди, обвинив его в сотрудничестве с фашистами накануне празднования 65-летия победы над фашистской Германией, пытаются нажить для себя политический капитал, геростратовским методом.

Безусловно, на беспардонную ложь и грязные измышления авторов опусов о А.З. Валиди не стоило бы обращать внимания. Однако, к сожалению, их фальсификаторские сочинения доходят и до читающей публики, нормальных людей, интересующихся прошлой историей, биографией видных личностей. Все это делает необходимым издание данной книги, основные положения которой, опровергающие домыслы о жизни и деятельности А.З. Валиди, не только подкреплены конкретными документальными источниками, но

и воспоминаниями о нем его коллег-востоковедов, учеников, родных и близких.

Известно, что в силу определенных обстоятельств в условиях советской действительности не было возможности правдиво и объективно освещать все сложнейшие перипетии жизни и деятельности А.З. Валиди как политика и ученого-востоковеда. Лишь в связи с началом демократизации нашего общества была проделана немалая работа по реабилитации А.З. Валиди, объявленного советской пропагандой не мало, не много «врагом башкирского народа».

Однако большинство материалов, посвященных А.З. Валиди, было опубликовано в научных изданиях, сборниках статей и тезисов различного уровня научно-практических конференций, которые не всегда доступны для читающей публики, широкой читательской аудитории.

Имея в виду эти обстоятельства, было решено издать научно-популярную книгу о А.З. Валиди, которая поможет рядовому читателю получить объективную и достоверную информацию о выдающемся ученом-востоковеде, политическом деятеле, выступившему в свое время, по мнению московских журналистов, «отцом русского федерализма» (См.: журнал «Профиль» 1998. 9 марта.)

В «Приложение» данной книги вошли материалы, увидевшие свет в общественно-политическом издании А.М. Юлдашбаева «Известный и неизвестный Заки Валиди» (в памяти своих современников (Уфа, 2000), документы, опубликованные в сборниках «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики» (Уфа, 1959), «Национально-государственное устройство Башкортостана» (1917-1925 гг. Т. 1. Уфа, 2002).

Также в книге опубликована фальсификаторская по сути статья,

посвященная З. Валиди и увидевшая свет на страницах газеты КПРФ «Правда» (20-23 марта, 2009).

Кульшарипов М.М.

Заки Валиди как политик и выдающийся ученый-востоковед

«Заки Валиди Тоган – великий ученый, это определено. Но он велик и как человек»

(Герберт Янски,
известный австрийский
востоковед)

Как передает корреспондент информационного агентства «Росбалт», выступая 25 декабря 2009 г. в ходе пленарного заседания Госдумы, депутат парламента РФ от «Единой России» Андрей Назаров предложил Комитету Госдумы по безопасности запросить в ФСБ информацию о сотрудничестве А. - З. Валиди с фашистской Германией. По его словам «в самой России имеют место случаи возвеличивания исторических персонажей с сомнительным прошлым». В частности, он сообщил, что одна из центральных улиц в Уфе стала называться в честь Ахмед-Заки Валиди. Депутат заверил, что личность этого человека уже развеяна в многочисленных публикациях о его участии в комплектовании мусульманских подразделений «Ваффен-СС». Также имеются достоверные данные о сотрудничестве Ахмед-Заки Валиди с разведкой Польши в годы войны, которая, в свою очередь, активно сотрудничала с германской разведкой, указал Назаров.

В нашей стране было много судеб, покрытых напраслиной лжи,

фальсификаций, преднамеренных искажений их дел, поступков и личности. Этой участи не избежали и выдающиеся политики, военные, революционеры, ученые и даже герои Великой Отечественной войны. О большинстве из них народ наш ныне узнает правду и они начинают занимать в его исторической памяти подобающее каждому из них место.

К их числу относится и выдающийся сын башкирского народа, человек с чрезвычайно сложной судьбой, видный политик в молодости и всемирно известный и признанный востоковед в эмиграции Ахметзаки Валиди.

«Валидовщина...» Это слово было той дубинкой в руках власти в сталинские времена, которой били, уничтожали, «воспитывали» малочисленную башкирскую интеллигенцию, которая формировалась еще в конце XIX – в начале XX века. Уже в 20-х гг. XX в. партийные директивы предписывали вести решительную борьбу против «валидовщины». 26 сентября 1921 г. бюро ЦК РКП(б) обязало руководителей республики издать воззвание к трудящимся Башкирской АССР о необходимости «беспощадной борьбы с контрреволюционной группой Валидова». Такое воззвание парторганизации БАССР появилось 24 января 1922 г., где разоблачалась «валидовщина»¹. Под влиянием и нажимом указанных партийных директив уже в те годы и в дальнейшем стали появляться работы, характеризующие З. Валиди как «беспринципного авантюриста и честолюбца», ярого националиста, контрреволюционера и даже «врага башкирского народа».

Если собрать все, что было опубликовано о нем в Советском Союзе (в Москве, Ленинграде, Казани, Уфе, в среднеазиатских республиках и т.д.) как о белогвардейце, враге башкирского народа,

¹ Образование БАССР. Сборник документов и материалов. Уфа, 1959. С. 623-624; 628-630.

трудящихся масс, националисте и агенте иностранных разведок, получится не один том увесистых книг, квинтэссенция которых содержится в статье «Валидовщина» в Большой советской энциклопедии. Все эти публикации рисуют образ страшного монстра.

Если собрать все, что было напечатано его оппонентами – приверженцами идеи Идель-Уральской культурно-национальной автономии, в России, а затем и в эмиграции (статьи вышли во многих газетах и журналах от Японии и Китая до европейских стран), то получится также книга, в которой представлена абсолютно зловещая фигура, разделившая «единый тюрко-татарский народ», раздробившая в годы революций «единое тюрко-татарское движение» России на куски, «авантюрист», «интриган», «агент КГБ», лютый враг всех тюрков.

Лишь в условиях демократизации нашего общества не только в Республике Башкортостан, а в Москве, Санкт-Петербурге, Казане была проделана немалая работа по объективному – с новых позиций, без прежних идеологических шор – изучению жизни и деятельности, научного наследия З. Валиди. К примеру: авторы книги «Наше Отечество. Опыт политической истории» Кулешов СВ., Волобуев О.В., Пивовар И. и др. дали высокую оценку З. Валиди, как общественно-политическому деятелю: «Националисты во многих ситуациях разбирались тоньше и куда грамотней, чем руководящие деятели РКП(б). Наглядное свидетельство тому – январские события 1920 г. в Башкирии, где возник конфликт Башревкома во главе с А.З. Валидовым и присланными из центра партийными работниками – Ф.А. Сергеевым (Артемом), Ф.П. Самойловым и др. История донесла до нас документы о том, как было на самом деле, в чем суть «националистических выходов» Башревкома и каковы действия «посланцев партии» в этой республике» – писали они по поводу

обострения отношений в Башкирии между Башревкомом и обкомом партии². И, по их же мнению, на фоне «интернационалистской невменяемости» Артема (Сергеева), Ф.Самойлова «...особо явственно видна «вменяемость», а точнее государственная мудрость и деловой подход «националиста» А.З. Валидова»³. Положительную оценку личности З. Валиди дала крупный специалист по национальным вопросам Т.Ю. Бурмистрова в своей работе «Ахмед Заки Валиди Тоган: жизнь и творчество» (М., 1996).

Как о крупнейшем ученом о нем писали многие востоковеды – немцы, англичане, турки и другие. Узбекский ученый-историк Абдурахманов Махамаджон писал: «Ахмед Заки Валиди Тоган – выдающийся ориенталист XX в. один из корифеев мировой тюркологии, автор многочисленных работ по истории, этнографии и культуры тюркских народов Средней Азии и Поволжья, видный общественный деятель, оказавшийся в центре борьбы народов Туркестана за независимость в 1917-1923 гг., а затем, преследуемый режимом, вынужденный покинуть Родину»⁴.

Недаром одна из центральных улиц г. Ташкента названа его именем.

Примечательно и то, что Восточный факультет Петербургского университета, отдавая дань памяти выдающегося ученого-востоковеда, поставил в своем дворе бюст З. Валиди. Ученые университета поступили мудро и справедливо, имея в виду громадный вклад З. Валиди в развитие мирового, в том числе российского востоковедения.

Однако в последнее время появились лица, притом весьма далекие от исторической науки, но политически ангажированные

² Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е. Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. С.143.

³ Там же. С.144

⁴ Абдурахманов М. Научная деятельность А.З. Валидова в Туркестане. Ташкент, 2003. С.3, 4.

хулители выдающегося ученого-востоковеда Заки Валиди. Ими делаются попытки облить его грязью, обвинив в сотрудничестве с немецкими фашистами, приписывая ему формирование каких-то эсэсовских частей. Но их писанина не имеет конкретную документальную базу и носит откровенно фальсификаторский характер. Речь идет о статье некоего Дениса Игнатьева, опубликованной в газете «Правда», органе КПРФ (20-23 марта, 2009 г.), кстати, сначала увидевшая свет на одиозном сайте «Уфагуб», а также материалы из того же сайта Виктора Стечкина «Башкирские власти отмывают пособника фашистов Валиди от коричневых пятен» (сайт www.ufagub.com) и др.

Этим злопыхателям был дан обоснованный ответ на страницах газет и журналов, в том числе в центральной печати (См.: «Российская газета». 9 декабря, 2009 г.). Появление всякого рода небылиц в определенной мере было связано с переименованием некоторых улиц г. Уфы, в частности с появлением в столице РБ улицы им. З. Валиди.

Но следует полагать, что реанимирование огульного охаивания З. Валиди имеет более глубокие корни скорее политического характера. Ибо нападки на З. Валиди, стоявшего у истоков российского федерализма, направлены и против Республики Башкортостан, ее руководства.

Конечно, нет ни малейшего желания отвечать на далекие от истины опусы указанных выше авторов, которые были использованы депутатом Гос. Думы Андреем Назаровым. Любой разговор с этими фальсификаторами, вкупе с Назаровым, вызывает омерзение. К сожалению, эти выпады против З. Валиди доходят и до добропорядочных граждан РФ, у которых могут возникнуть вопросы о нем: кем же был этот человек и достоин ли он увековечения своей

памяти? Обратимся к конкретным фактам.

Главное своеобразие судьбы З. Валиди заключается в том, что и его научное наследие, и его сложный жизненный путь, начиная с 1912 года до сего дня (почти век), находился и продолжает находиться в эпицентре ожесточенной идейно-политической борьбы. Это случается даже не со всеми великими мира сего. В чем же причина?

Известность З. Валиди, ученого 22 лет от роду, среди тюркской интеллигенции России и русских востоковедов начинается со времени выхода в свет его книги «История тюрков-татар» в 1912 году. В ней молодой историк пытается рассмотреть историю тюркских народов как единое целое. Столь быстрое созревание З. Валиди как ученого имеет две тесно взаимосвязанные причины: он с ранней молодости изучил арабский и фарси, интересовался восточной литературой и историей. Изучал также русский язык и взапой читал классическую русскую литературу, а позже исторические труды русских ученых о Востоке.

Все это послужило основой личного знакомства З. Валиди с великими, русскими востоковедами В. Бартольдом, И. Крачковским, А. Самойловичем, Н. Катановым и многими другими. Если русская интеллигенция конца XIX – начала XX века всеми взорами была обращена на запад и его культуру, то представители Российского научного сообщества изучали и проявляли большой интерес к вопросам востоковедения. Их научно-историческое мировоззрение было более объемным и всесторонним. Они то и сформировали З. Валиди как ученого, выросшего плоть от плоти русской науки и культуры и он на протяжении всей своей жизни продолжал ее традиции.

Русские востоковеды, сами люди талантливые, быстро заметили способного молодого историка и Российская Академия наук по рекомендации В. Бартольда дважды – в 1913-1914 годы направляла

3. Валиди в Среднюю Азию для изучения, а если будет возможность, и для приобретения ценных рукописей. Это задание молодой человек выполнил не просто успешно, а блестяще, и рукописи, привезенные им в Петербург из Средней Азии, которых он искал и находил не только в больших и малых городах, но и в кишлаках, у мулл, любящих собирать книги, поныне известны востоковедам как «собрание Валидова».

Особую роль в судьбе 3. Валиди играли революционные события в России в Октябрьской революции и в период гражданской войны. Они показали, что 3. Валиди наукой занимается не ради своей славы, и даже не ради науки, а посредством науки, он пытался служить своему народу. Но понятие «мой народ» у него не ограничивался башкирами, а охватывал, прежде всего, все тюркские народы внутренней России. А башкирский народ для него то же самое, что родные отец и мать, родные братья и сестры.

Революционные события круто изменили судьбу 3. Валиди. Особенно значима его роль в формировании федерализма в России, так как первая в истории нашей страны автономная государственность была провозглашена лидерами башкирского национального движения 15 ноября 1917 г. под идейным влиянием 3. Валиди, сплоченности и единства башкирского народа. А в марте 1919 г. советское правительство признало Башкирскую автономию путем подписания Соглашения с Башкирским правительством, за которым стояло боеспособное, беспредельно преданное своим лидерам национальное войско. «Автономия» этими лидерами понималась в европейском смысле этого слова: внутренняя самостоятельность в политических, экономических, культурных вопросах. Однако понятие «обрезанной», формальной «советской автономии» тогда еще не было даже в голове В.И. Ленина. «Советская автономия» начинает

формироваться в мае 1920 года, когда Центральное правительство примет решение в одностороннем порядке свести автономию Башкортостана к чему-то, похожему по выражению З. Валиди, на «национально-культурную автономию»⁵.

Если для большинства башкирской интеллигенции и офицерства автономия образца 1919 года была конечной целью борьбы, то для З. Валиди все это было лишь началом обретения своей государственности всеми среднеазиатскими народами, пример для них. И сокрушительный, малопродуктивный удар по автономии Башкирии в 1920 году вынуждает его, вызванного в Москву и «трудоустроенного», чтобы держаться подальше от Башкирии, выехать в Среднюю Азию для борьбы не против большевиков, а за автономию тюркских народов в пределах России. Начать все сначала, теперь уже силами узбек, казахов, киргиз и др. З. Валиди верит, что если ему подлинную автономию удалось добиться силами отнюдь немногочисленных башкир, то эту идею можно претворить в жизнь объединив в одно политическое целое народы Средней Азии. Благо теперь он лично и хорошо знал идеологию, характер, уловки большевистских вождей – Ленина, Троцкого, Сталина и др., с которыми многократно встречался.

Но политическая и военная ситуация в России изменилась. Разрозненное, раздираемое племенными раздорами движение басмачей, среди которых было сильно влияние фанатичных мулл с чисто средневековым мировоззрением и слишком мало интеллигенции, способной понять суть происходящих событий в России и мире, не сулило успеха. Наконец, разгром белополяков развязало руки Советской армии и ее значительная часть устремилась в Среднюю Азию. З. Валиди и его единомышленникам не

⁵ Образование БАССР... Уфа, 1959. С. 233.

оставалось ничего, кроме как выехать за границу. Он из Ашхабада пешком, в одежде туркменского дехкана, в 1923 году ушел в Иран, где тотчас занялся своим любимым и основным делом – поиском и изучением средневековых рукописей.

В это время, особенно в 1917-1920 годы, он вплотную встретился еще с одной проблемой, которая будет тянуться за ним до конца его дней, да и сегодня еще имеет свои отзвуки – это проблема экстерриториальной автономии. Вопреки известным татарским деятелям (Г. Исхаки, С. Максуди и др.)* желавшими создать в России Идель-Уральскую экстерриториальную автономию «тюрко-татар» во внутренней России и выступавшим против территориальных башкирских, а также казахских и иных автономных республик, З. Валиди с 1917 года до конца своей жизни был против этой идеи и это прослеживается во всех его малых и больших статьях и книгах, выступлениях и даже в письмах, хранящихся в его архиве. Он считал, что в условиях России такая автономия, ограничивающаяся вопросами религии, культуры, школы, не даст желаемых результатов в развитии нерусских народов. И в целом считал искусственным и нежизненным само название «Идель-Урал». Он никогда и ни в какой форме не был и не мог быть приверженцем всего того, что было связано с этим размытым географическим понятием, за что был проклинаем не только в России, но и за рубежом, в эмиграции.

В Иране неутомимого исследователя З. Валиди ждала необыкновенная удача. В городе Мешхеде он обнаружил ценнейшие источники, один из которых цитировался более поздними авторами, но в более позднее время считавшееся утерянным – «Путевые заметки Ибн Фадлана». Этот источник имел особое значение для России. Ибн

* Гаяз Исхаки – татарский писатель и общественный деятель. Родился 10 февраля 1878 г. – скончался в 1954 г. После революции эмигрировал за рубеж. Садри Максуди (1878-1957). Общественный и государственный деятель, ученый. Эмигрировал за рубеж.

Фадлан, пропутешествовав через Среднюю Азию, Башкирию к Поволжским булгарам аж в 922-923 годы нашей эры, описал все, что видел. Прилежно переписав этот источник для себя, З. Валиди в дальнейшем оказался в Европе, где его интересовали библиотеки и труды западных востоковедов. О своих находках он систематически письменно информировал Петербургскую и Парижскую Академию наук.

До пребывания в Европе З. Валиди оказался в Турции. В 1926 он приехал в Стамбул и его вначале взяли на работу в один из комитетов Министерства образования, но он добился разрешения преподавать в Стамбульском университете, так как именно в его многих богатейших книгохранилищах и архивах хранилось то, что его больше всего интересовало – книги, документы разных веков и эпох.

Как известно, К. Ататюрк, под волевым руководством которого из-под обломков Османской империи зародилось нынешнее Турецкое государство, выгнав из страны интервентов, придавал особое значение модернизации и европеизации Турции, начиная с ее языка, кончая системой государственного управления. К деятельности К. Ататюрка З. Валиди всю жизнь относился с глубочайшим почтением. Европеизации подвергался, естественно, и Баязитовский университет (дарлфюнюн), который должен был стать в один ряд с европейскими классическими вузами. З. Валиди, придя на работу в Стамбульский университет в 1926 году, до конца своей жизни боролся за то, чтобы всеобщая история турков была представлена на должном уровне в главном университете Турции. Тогда к историческому прошлому Турции имелось немало претензий со стороны Греции. Греки утверждали, что турки отняли у них исконные земли.

В этих условиях политических и историко-географических споров

К. Ататюрк вознамерился, как истинный боевой генерал, совершить глубокий идеологический прорыв. Тогда был поставлен, во-первых, вопрос: не были ли прототюрками народы, населявшие Малую Азию еще до прихода греков: хетты и др.? Скорее всего они были прототюрками, если сюда затем прибыли и другие их соплеменники. Во-вторых, следовало объяснить почему турки Средней Азии начали распространяться во все стороны света, в том числе и на запад в Малую Азию? Этот процесс объяснили просто: их прародине – в Средней Азии – происходит расширение песчаных пустынь из-за усиления засухи.

Для доказательства этих двух исторических «истин» была привлечена вся ученая рать Турции и в 1932 году состоялся Первый исторический конгресс в Анкаре, где эти «истины» должны были стать достоянием не только ученых, но и всего народа.

Как это происходит в любом авторитарном государстве, все дружно поддержали идеи обожаемого национального лидера. Особое рвение в этом деле проявили некоторые видные эмигранты из России С. Максуди и др.

Но нашелся один чудаковатый человек, который выступил против этих взглядов: им был З. Валиди. Он на конгрессе заявил, что были ли хетты прототюрками, науке не известно. Если выясниться, что нет, то от этого будет большой вред и урон государству. Позже действительно выяснилось, что Малую Азию до греков населяли ираноязычные народы. О Средней Азии З. Валиди выразился так, что там никакого катастрофического опустынивания не происходило и не происходит, а распространение тюрков во все четыре стороны – проблема демографическая. Все им сказанное не могло понравиться К. Ататюрку, наблюдавшему за конгрессом с балкона. А свержчуткое в таких случаях окружение набросилось не только на мнение З. Валиди,

но и на его личность, прошлую деятельность. «Ты разделил единый по существу тюрко-татарский народ на башкир, казах и т.д. Не хочешь ли то же самое сделать в Турции?», «Ты сотрудничал с большевиками, не выполняешь ли их задание здесь?», «Ты, не имея университетского диплома, обучаешь наших детей своим вредоносным теориям» и т.д. и т.п. Все это вынудило З. Валиди эмигрировать в Западную Европу. Именно этот европейский период биографии З. Валиди стал объектом фантастических измышлений со стороны беспредельщиков от истории.

Очевидно, что свое заявление в Государственной Думе РФ Андрей Назаров сделал на основе фальсификаторских статей о жизни и деятельности З. Валиди накануне и в период Второй мировой войны.

Весьма настораживает и то, что обвинение в пособничестве З. Валиди фашистскому режиму было брошено именно в год празднования 65 летия победы над фашистской Германией, т.е. налицо попытка использовать эту дату в своих корыстных целях.

Тезис о сотрудничестве З. Валиди с немецкими спецслужбами, о его дружбе с фашистскими деятелями нелепый и высосанный из пальца миф. Как было указано выше, З. Валиди из-за конфликта с Президентом Турецкой Республики Мустафой Кемалем (Ататюрком) был вынужден покинуть Турцию и перебрался в Австрию. Он был зачислен студентом Венского университета, а затем аспирантом этого же вуза. В 1935 г. З. Валиди успешно защитил докторскую диссертацию о путешествии посланника Багдадского халифа Джафара Ал-Муктадира* Ибн-Фадлана в Волжскую Булгарию по открытой им самим Мешхедской рукописи. Известный немецкий востоковед Пауль Кале пригласил его на работу в Боннский университет, затем с 1938 по 1939 гг. З. Валиди работал в

* Багдадский халиф Джаффар ал-Муктадир. Годы правления – 908—932.

Геттингенском университете. Он там усиленно занимался наукой и в 1939 г. в Дрездене издал книгу «Путевые заметки Ибн Фадлана».

Абсолютно абсурдными являются измышления о том, что Валиди был «членом нацистской партии и дал присягу верности Адольфу Гитлеру» и более того, оказывается, «каждый урок (скорее лекция) З. Валиди начинал с того, что вскинув руку в фашистском приветствии, восклицал «Хайль Гитлер!». Все эти бредовые сентенции не подкреплены конкретными источниками, поскольку их нет в природе. З. Валиди, как эмигрант и представитель отнюдь не арийской нации, как это представляли фашистские идеологи, никак не мог быть членом нацистской партии.

З. Валиди обвиняют и в том, что он, работая в Геттингенском университете, «по совместительству выполнял обязанности личного советника Гитлера по мусульманским вопросам» и за это «получал дополнительные гонорары». Имело ли место для подобных суждений? Обратимся к конкретным фактам. Вот текст ходатайства декана филологического факультета Геттингенского университета о повышении оклада проф. А. Валиди: «Ссылаясь на предписание от 25 марта 1938 года, я предлагаю этим /письмом/ профессора, доктора Заки Валиди в Бонне направить на зимний семестр 1938-1939 гг. в Геттингенский университет, так как вышеупомянутое ходатайство было принято во внимание и со стороны господина министра.

Насколько мне известно, профессор Кале из Бонна вновь направил ходатайство в министерство с просьбой, чтобы месячный оклад господина профессора Заки Валиди был повышен от 200 до 300 марок. Я желаю этим прошением решительно присоединиться к его мнению, так как мне представляется, что профессор Заки Валиди своими чрезвычайными научными способностями такое повышение оклада вполне заслуживает.

Хинц, Геттинген, 30 июня 1938 г.
Ректор университета ознакомлен и
подтверждает дальше по назначению.
Фр. Нойман»⁶

Как видим, З. Валиди повысили оклад не за какие-то услуги Гитлеру, а за «научные способности».

В сентябре 1938 г. ему было присвоено звание гонорар-профессора (т.е. внештатного профессора) Боннского университета⁷. Речь идет о предоставлении З. Валиди читать за гонорары лекции и в Боннском университете, хотя основным местом его работы оставался Геттингенский университет.

Возвращение З. Валиди в мае 1939 г. в Стамбульский университет, как нам это преподносят некоторые борзописцы, тоже было связано с агентурной деятельностью З. Валиди, возглавившего в Турции(!?) резидентуру абвера. Следуя их больной логике З. Валиди, как советник Гитлера должен, наверное, занять именно такой высокий секретный пост в Турции! О возвращении в Стамбул З. Валиди и его научной деятельности видный турецкий ученый-историк проф. Салих Туг писал: «Покорный наш учитель Тоган, сумевший доказать всем свой высокий научный статус и квалификацию. до осени 1939 года в Геттингенском университете исполнял обязанности гонорар-профессора. 22 августа 1939 года решением № 649 Министерства просвещения Турецкой Республики Заки Валиди Тоган был назначен с 1 сентября 1939 года профессором литературного факультета Стамбульского университета. где он и трудился до самой своей смерти, являясь его гордостью и славой. Получив приглашение родины. он тотчас, без тени сомнений, с десятью ящиками,

⁶ Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. Уфа, 2000. С. 27.

⁷ Там же. С. 26

заполненными книгами, прибыл из Европы в Стамбул и приступил к своим обязанностям и бесповоротно обосновался в Турции.

В годы Второй мировой войны, когда голос науки был едва слышен, мы видим его публикующим свои объемные, интересные труды по тюркской истории»⁸. Итак, не какой-то мифической агентурной, профашистской, а научно-исследовательской работой, преподавательской деятельностью занимался ученый-востоковед З. Валиди в годы Второй мировой войны. Таковым он остался до конца жизни своей.

Вот что пишет о пребывании З. Валиди в те годы в Германии КГБ Лев Соцков в своей книге «Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки (М., 2003)». «В 1932 г. Валидов выехал в Германию, где занимался научной деятельностью в Боннском университете, стал профессором. Принимал участие в Первом мусульманском конгрессе, состоявшемся в Женеве в 1935 году, представляя на нем «Общество исламской культуры»⁹.

Итак, научно-преподавательская работа ученого в Германии до начала Второй мировой войны никак не может служить поводом для подозрений З. Валиди в пособничестве нацистам, также как и лекции в 30-х гг. в Германии великого русского философа И.А. Ильина*.

Безусловно, никто не собирается отрицать, что З. Валиди был заметной фигурой в антисоветской эмиграции. Но его упреки большевизму совершенно не делают его пособником фашистского режима. Попытку депутата А. Назарова данные факты связать с жупелом «сотрудничества с нацистами» можно оценивать как очевидную провокацию.

⁸ Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. Уфа, 2000. С. 47.

⁹ Лев Соцков. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 74

* Иван Александрович Ильин – русский философ, правовед, политический мыслитель, а также теоретик и историк религии и культуры. Родился 16(28) марта 1883 года в Москве. Умер 21.12.1954 г.

Между тем началась Великая Отечественная война. Смертельная схватка гитлеровской Германии и Советского Союза наводит З. Валиди на тяжелые размышления и слабые надежды: а не создаст ли эта война, как некогда бойня между красными и белыми, условия для обретения самостоятельности тюркскими и другими народами Средней Азии? Он не только размышляет, но и обсуждает этот вопрос с единомышленниками, некоторыми особо близкими учениками, земляками. Услышав о том, что из Башкирии и Средней Азии много пленных в Германии и среди них попадаются и солдаты башкирских войск времен гражданской войны, он пожелал поехать в Германию. Но Турецкое правительство было резко против. И вообще, с началом успехов Красной армии в Отечественной войне З. Валиди Тоган, хорошо известный лично И. Сталину и объект внимания советских спецслужб, стал фигурой крайне неудобной и нежелательной для прогерманского Турецкого правительства, вынужденного постоянно маневрировать перед двумя грозными военными машинами, особенно когда стало ясно, что Советский Союз одолеет своего врага. З. Валиди это понимал, но как человек, привыкший следовать своей, а не чужой воле, вопреки запретам выехал в 1942 г. в Германию под предлогом, что ему необходимо посетить родственников жены в Румынии. Там он сумел встретить некоторых земляков из Башкирии и Средней Азии, об этом свидетельствует сам, но был выслан из Германии. Видимо, некоторые из востоковедов, хорошо знавших З. Валиди Тогана и сотрудничавших с нацистами, объяснили германским властям, что это не тот человек, которого можно использовать, а тот, который норовит использовать других в своих политических целях.

По воспоминаниям супруги ученого Назмии Тоган, вернувшись из Германии, он близким говорил: «Много всего я видел у большевиков,

но то, чего творят нацисты, не видел даже у них». А знакомым и особенно их женам, заторопившимся в Казань после скорого, как им казалось, поражения Советов, он говорил: «Не торопитесь и не смешите людей, Красная Армия, которую я знаю, так быстро не потерпит поражения».

Эта поездка стоила З. Валидову множества сплетен о его сотрудничестве с нацистами, о том, что он стал чуть ли не правой рукой Гитлера по созданию мусульманских легионов...

Однако насквозь лживые материалы, ошеломляющие своей беспардонностью и грубейшими ошибками, стали основным и единственным источником измышлений депутата А. Назарова. С подачи скандальных журналистов, ныне находящихся под уголовным следствием за разжигание межнациональной розни, профессору З. Валиди приписывается участие в формировании из татарских и башкирских военнопленных частей Ваффен-СС «Хандшар» и «Кама». В действительности 13-ая горнострелковая дивизия СС (1-ая хорватская) «Хандшар» была элитным формированием из хорватских и боснийских мусульман и хорватских усташей. Эта часть никакого отношения ни к татарским, башкирским военнопленным, ни к А. - З. Валиди иметь не могла. Еще скандальнее выглядит выбор для дискредитации А. -З. Валиди, очевидно, по созвучию с рекой, дивизии «Кама». Дезинформаторы выдумали даже боевой путь этой дивизии, именуя ее «валндовцами» и утверждая, что она была «истреблена белорусскими партизанами». Эта хорватская дивизия, состоявшая из мусульман Боснии и Герцеговины, которая, опять же не могла иметь никакого отношения ни А. -З. Валиди, ни к татарам и башкирам.

Действительно, в фашистской Германии ряд татарских эмигрантов, оказавшихся там, занимались формированием так называемого легиона «Идель-Урал». Еще в 1942 г. Галимжан Идриси,

Шафи Алмаз, Гариф Султан по поручению германского вермахта приступили к сколачиванию добровольческого легиона из военнопленных татарской, башкирской, чувашской, марийской, удмуртской, и мордовской национальностей*. Те же самые татарские эмигранты в марте 1944 г. в г. Грейсвальде провели съезд Волго-татарского легиона с участием представителей немецкого командования в Волго-татарском комитете фон Унгляубе и доктора фон Менде¹⁰.

Ирония судьбы: всю жизнь критикуя идею об Идель-Уральских фантазиях и их авторов, З. Валиди якобы стал идельуральцем. При этом за более чем полвека самые заинтересованные поиски в архивах не выявили ни одного документа, ни одного клочка бумаги, которые могли бы это подтвердить... А искали сами КГБ-исты, вплоть до генералов!¹¹

Столь же нелепым и смешным является обвинение А. Назаровым З. Валиди «в связях с польской разведкой в годы Великой Отечественной войны». Скорее всего г-н Назаров не знает, что Польша в начале Второй мировой войны была оккупирована фашистами. Для правдоподобности Назарову и его единомышленникам следовало З. Валиди сделать сотрудником спецслужб сателлитов фашистской Германии: Румынии, Венгрии, Болгарии или, наконец, милитаристкой Японии. По Назарову получается, что ученый З. Валиди был Матой Хари в штанах.

Есть необходимость привести интересный факт из книги уже упомянутого генерала Л.Ф. Соцкова, который убедительно опровергает версию о фашистском прошлом З. Валиди: «...любопытное событие в его жизни произошло много позже, - писал

* Татарские белоэмигранты. В годы Второй мировой войны сотрудничали с фашистами. После войны работали в татарском отделе радиостанции «Свобода» (Азатлык).

¹⁰ Чекисты Башкирии. Уфа, 1967. С. 138, 145

¹¹ Л.Ф. Соцков. Указ. соч. М., 2003

он. В 1951 году Валидов участвовал в работе международного конгресса востоковедов, был включен в комиссию по подготовке к печати его материалов. Так в его рабочем кабинете в Стамбульском университете появился командированный из Москвы научный работник, чтобы согласовать материалы для публикации с советской стороны. Валидов принял ученого хорошо, они долго беседовали на профессиональные темы. Валидов попросил приобрести ему три тома труда Н.Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена».

Консолидация общества в многонациональном государстве всегда предмет особой заботы любой власти, и советская не была в этом смысле исключением. Наоборот, национальный вопрос в стране всегда был одним из приоритетов во внутренней, да и внешней политике. После кошмарной войны, которая разметала целые народы, привлечение тех, кто еще недавно был в другом лагере, виделось одним из действенных пропагандистских рычагов. В ряде случаев возвращение блудных сыновей давало, с точки зрения советского руководства, определенный эффект. Возвратился, скажем, домой по доброй воле лидер партии младороссов Казем-бек, ему устроили выступления по радио, в центральной печати, предоставили квартиру в престижном районе столицы. Валидов казался человеком, которого можно вернуть на родину. Сделать ему такое предложение, вначале как бы в неофициальном порядке, и было поручено ученому-востоковеду в Стамбуле.

Между москвичом и Валидовым состоялся разговор, который, думается, достаточно интересен.

– Уважаемый профессор, у нас знают ваши труды и отдадут должное вам как специалисту по Востоку. У властей нет к вам таких претензий которые мешали бы взглянуть на вещи по-новому. Словом,

коллеги попросили поинтересоваться вашим отношением к возможности возвращения на родину. Полагают, что вы могли бы создать немало ценных научных трудов с учетом всего вашего жизненного и научного опыта .

– Даже так? Забавно. А не тот ли это случай, когда тебя, грубо говоря, хотят повесить, таким способом просто заманивают?

– Вы были много лет в эмиграции, и за это время вас пальцем не тронули. Если бы стояла задача вашего физического уничтожения, то, очевидно, соответствующие органы давно могли бы выполнить ее и здесь. Для вас, наверное, не секрет, что подобное, к несчастью, случилось. Так что в отношении себя вы ошибаетесь.

Конечно, то обстоятельство, что вы нанесли какой-то ущерб советской власти, это факт. Знают, естественно, о вашем участии в басмаческом движении, долголетней работе в эмиграции, связях с представителями иностранных государств. Но сейчас вы генерал без армии и отвечаете только за свои поступки. Может быть, пришло время послужить своему народу не в эмиграции, а на той земле, где он живет и трудится? Нет смысла говорить о том, что у людей на родине ваше возвращение было бы встречено с удовлетворением.

– Не вдаваясь в оценки прошлого и не углубляясь в высокие материи, скажу, что мой возраст, а мне ведь 66, не позволяет ехать к вам, предпочитаю остаться там, где живу сейчас. В прошлом году американцы предложили мне интересную работу в ФРГ, но я отказался от достаточно заманчивого предложения. Втягиваться каким-то образом в политику у меня желания нет.

– Хорошо, несколько сменим тему, чтобы быть поближе к чисто профессиональным моментам. А как бы вы отнеслись к мысли написания мемуаров или чего-то в этом роде? На этом, кстати, вы могли бы неплохо заработать, ведь в материальном плане вы в

известном смысле стеснены.

– Получаю 900 лир, в семье жена, дочь, сын, этих денег, конечно, не хватает. Супруге приходится работать учительницей. В отставке, которая не за горами, буду получать 450 лир. Предложением о написании мемуаров воспользоваться не могу, так как не располагаю для этого свободным временем, приходится много работать в университете.

– Едва ли вам следует категорично отказываться, возможен вариант, когда написанное вами не будет публиковаться и текстом будет пользоваться только ограниченный круг лиц и в закрытом режиме. Такое, как вы знаете, практикуется, и не только у нас.

– Вынужден воздержаться от принятия этого предложения. Мне и американцы предлагали в свое время написать нечто подобное, но я отказался.

Склонить Валидова к возвращению на родину не удалось. Он предпочел ставший привычным образ жизни ученого-ориенталиста...»¹².

Совершенно очевидно, если З. Валиди был связан с нацистами Германии, в 1951 г., когда еще был жив И.В. Сталин, не было бы никакого предложения о возвращении З. Валиди в СССР, свой родной Башкортостан.

После Сталинградской битвы поражение Германии становится понятным и прогерманскому правительству Турции. Угроза захвата Сталиным вождеденных проливов Босфор и Дарданеллы, о которых Российские власти мечтали несколько столетий, в ходе или непосредственно после Второй мировой войны, становится реальной.

¹² Л.Ф. Соцков. Указ. соч. М., 2003. С. 74-75

Турецкое правительство и Президент И. Иненю* дрейфуют влево, стараются заткнуть рты всем, чьи действия и слова могут раздражать грозного И. Сталина. З. Валиди Тоган становится фигурой еще более нежелательной и опасной, чем прежде.

Он в эмиграции неукоснительно придерживался правила: не вмешиваться, не касаться внутренней и внешней политики страны пребывания, будь то Германия, Турция или какое-либо иное государство. Но запретить говорить, писать, пытаться защищать интересы и освещать историю турков внутренней России ему никто не мог. Здесь ему никто не указ. Но именно это и было, с точки зрения лидеров Турции, в тот момент крайне нежелательно, ибо могло быть не без основания истолковано как прямое вмешательство во внутренние дела Советского Союза.

Делая жесты в угоду Сталину, лидеры Турции несколько усилили позиции левых в правительстве, что крайне не понравилось правым политическим кругам, представленным главным образом антикоммунистически настроенным молодыми деятелями, среди которых наиболее активную роль проявлял Нихал Атсыз, бывший ассистент З. Валиди по Стамбульскому университету еще до Первого Турецкого исторического конгресса, а впоследствии авторитетный общественный деятель и публицист. Они устроили шумную демонстрацию в мае 1944 года в Анкаре с протестом против заигрывания Турецкого руководства с «коммунистами» (то есть с левыми). В тот момент для Турции это было хуже, чем разорвавшаяся бомба в доме правительства или в Советском посольстве. Все лидеры движения в Анкаре были тотчас арестованы, но еще раньше под стражу взяли З. Валиди Тогана, посчитав именно его идейным

* Исмет Иненю (1884-1973) – видный военный и политический деятель Турции, занимал многие высшие государственные должности. После смерти Кемаля Ататюрка был Президентом (1938-1950), премьер-министром Турции (1961-1965).

вдохновителем событий. Обвинили его во всех смертных грехах, в том числе в попытке свержения существующего правительства, то есть ломали комедию перед И. Сталиным, как могли. Подавляющее большинство арестованных участников демонстрации выпустили через несколько дней, остались несколько лидеров и З. Валиди Тоган, который ни на демонстрации, ни в ее организации не участвовал, находился в момент событий в Стамбуле. Около полутора лет его продержали в тюрьме, осудили на 10 лет, но с началом холодной войны, когда Турция и проливы оказались «под крышей» Англии, Америки и др. стран, необходимости в комедии с участием З. Валиди Тогана не осталось, его не только выпустили, сняв все вздорные обвинения, но через некоторый промежуток времени позволили продолжать преподавание в Стамбульском университете. В эти суровые годы он в тюрьме завершает работу над книгами «Всеобщая история турков» и «Методология истории», книги, без которых до сегодняшнего дня не может обходиться ни один профессор истории и ни один студент Исторического отделения Турецких университетов.

Таким образом, только с 1948 года до смерти в 1970 году судьба позволяет заниматься ему только наукой, он изучает в библиотеках и иных книжных хранилищах восточных стран старые рукописные книги и документы, участвует во всемирных востоковедческих конференциях и симпозиумах в странах востока и запада, часто председательствует в них, читает лекции в Европейских и Американских университетах и ведет обширную переписку с востоковедами множества стран, сохраняя все эти письма и черновики своих ответов в собственном архиве. А писали ему многие, так как он стал живым и единственным энциклопедическим справочником. Например, ученого востоковеда из Европы, Америки или из Японии интересуется частный, но весьма для его книги или

статьи важный вопрос, ответ на который можно получить в какой-либо рукописной книге, хранящейся, скажем, в Афганистане, то есть там, где ученому-немусульманину доступа нет. Да и ехать в какую-то Тмутаракань не просто. Вопрос решается проще, пишется письмо З. Валиди Тогану, который считает своим долгом помочь коллеге и дает обстоятельный ответ далекому адресату.

В этот последний период у ученого одна мечта и цель: убедить западную науку в том, что она однобоко и по существу неверно оценивает роль и место тюрков во всемирной истории. Подготовить для выполнения этой цели из турецкой молодежи настоящих ученых, хорошо ориентирующихся в западно-европейской науке и культуре и глубоко познавших целый ряд восточных языков: фарси, арабский, китайский, японский. Разумеется, одному даже очень способному человеку все это не одолеть. Поэтому он начинает готовить учеников, один из которых, кроме тюркских и арабского, владеет немецким, английским или французским. Другой наряду с тюркскими и одним европейским владеет фарси, третий – китайским, четвертый – японским, пятый – русским и т.д. И все эти люди должны работать вместе, оказывая помощь друг другу, взаимно дополняя друг друга...

Но мало кто из коллег по университету понимал его замыслы и планы. Более того, из-за его прямоты, которой мог позавидовать римлянин, было немало недругов, недоброжелателей, завистников, так как человеку, убеленному сединой и не знающему ничего кроме турецкого языка и поверхностно рассуждающему даже о проблеме, по которому стал доктором и профессором, он мог сказать в лицо: Вы невежественны.

Турок такое воспринимает как грубость, невоспитанность, дикость. Не научился он и турецкому чиновничеству, когда декан – бог профессору, а бог декана – ректор. Он мог зайти к декану со своей

твердой, шумной походкой, положить перед ним на стол список литературы, сказать: «Вам следует приобрести для кафедры эти книги», повернуться и уйти. Чувства турецкого декана при таком обращении профессора, естественно, становились весьма красочными.

Любой, кто видел З. Валиди Тоган, помнит его читающим или пишущим. Его выводило из себя безделье окружающих, длинные, пустопорожние разговоры на восточный манер. Он настолько отличался от окружающих, что досужие турки сочинили о нем множество анекдотов. Но величие его как ученого для них бесспорно.

Между тем, тому, кто внимательно читает его «Воспоминания», очевидно, сколь подвержен он эмоциям, полон самых глубоких, тонких чувств. Его «Воспоминания» написаны и под влиянием восточных классических образцов повествования, как «Бабурнаме», где автор сам является участником описываемых явлений, и классической русской литературы в лице И. Тургенева, Л. Толстого. И теми и другими З. Валиди зачитывался смолоду.

На смерть З. Валиди Тоган известный востоковед Карл Ян отозвался словами: «Великое русское востоковедение перестало существовать. После смерти В.В. Бартольда из жизни ушел и З. Валиди Тоган».

К. Ян не прав, утверждая, что русское востоковедение в каком-то виде перестало существовать, но он глубоко прав, утверждая, что З. Валиди Тоган плоть от плоти от русского востоковедения и его нельзя оторвать ни от Российской истории, ни от ее великой культуры. Восточный факультет Петербургского университета, поставив бюст в своем дворе З. Валиди, поступил очень мудро и справедливо, ибо эти наследники великого востоковедения мыслят глубоко и точно.

Отныне труды и судьба ученого нашли свое вечное и почетное

место и в душе башкирского народа. Более того, его начинают оценивать по достоинству и в Средней Азии, одна из улиц Ташкента носит его имя. Когда и у себя на родине, в Башкортостане, будут изданы на башкирском и русском языках его «Всеобщая история тюрков», «История Туркестана», «Методология истории», «Путевые заметки Ибн Фадлана» и другие книги и многочисленные статьи, замолкнут и те невежественные и злобные ничтожества, которые пытаются паразитировать на сплетнях вековой и полувековой давности.

Следует подчеркнуть, наряду с лживыми обвинениями З. Валиди, его ненавистники параллельно демонстрируют свое враждебное отношение к существующей Республике Башкортостан, ее Президенту. По их мнению «буржуазный (?) национализм Валидова стал основой «суверенитета Башкортостана в 90-е годы», сепаратизма в нашей республике.

Сепаратизм по Большому энциклопедическому словарю (фр. *separatisme* - от лат. *separatus* - отдельный) – стремление к отделению, обособлению; движение за отделение части государства и создание нового государственного образования. Если иметь в виду данную дефиницию, то следует сказать, что в ходе башкирского движения 1917-1921 гг. никогда не ставился вопрос об отделении Башкортостана от России и башкирские съезды 1917 г. не провозглашали лозунга «Башкирия для башкир». Наоборот, во всех документах башкирского национального движения речь идет о территориальной автономии в составе России, которую обязательно должна была признать Центр федеративного государства¹³. На деле подобное признание Башкирской автономии Центральной Советской властью было достигнуто 20 марта 1919 г. Таким образом, обвинение

¹³ Резолюции башкирских съездов // Национально-государственное устройство Башкортостана. Документы и материалы. Т.1. Уфа, 2002. С. 138, 202, 207

З. Валиди в сепаратизме не выдерживает критики.

В то же время нельзя отрицать, что при принятии Декларации о государственном суверенитете республики в октябре 1990 г., имелось в виду, что лидер и главный идеолог башкирского национального движения 1917-1921 гг. А. –З. Валиди был активным сторонником федеративного устройства демократической России и сыграл большую роль в те годы в решении вопросов самоопределения не только башкирского, но и народов Казахстана и Туркестана.

Что же касается М. Рахимова, то он никогда не выступал за отделение Башкортостана от России и подобное положение не нашло отражения ни в Декларации о государственном суверенитете Башкортостана 1990 г., ни в Конституции РБ 1993 г., тем более в новой ее редакции 2002 г.

В течение более 70 лет башкирскому народу пытались внушить мысль о том, что З. Валиди был его врагом, вообще отвратительной личностью. Но народ не соглашался с официальной пропагандой, в глубине души питал к нему теплые чувства. Сейчас опять пытаются навязать нам искривленный образ З. Валиди, огульно обвинив его в пособничестве фашистам. Но этот номер не пройдет. Мы со всей откровенностью заявляем: башкирский народ никогда не забудет своего выдающегося сына и не даст осквернить его добрую память гнусными измышлениями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Статьи и воспоминания зарубежных ученых о З. Валиди

1. Фуат Кёпрюлюзаде¹⁴

¹⁴ *Фуат Кёпрюлю* (1890-1966) – виднейший турецкий историк и политик, профессор Стамбульского

Новые исследования в сфере тюркологии

Тюркологией занимаются не только у нас, но и в Европе, и в России. Заки Валиди бек в этой важной области очень сведущий специалист. Он, воспользовавшись разными обстоятельствами, нашел возможность работать в библиотеках Ленинграда, Средней Азии, Мешхеда, Кабула, а в последние годы всесторонне изучил рукописи в библиотеках Берлина и Парижа и вот больше года, не зная усталости, с большой энергией работает в библиотеках Стамбула. Заки Валиди бек, скрупулезно изучивший исследования, накопившиеся в Европе и России, сам открывший многие ценнейшие первоисточники, и в Стамбульских библиотеках обнаружил многочисленные сокровищницы новых сведений и собрал их в большой том в шестьсот страниц под названием «Ценные произведения в библиотеках Стамбула». Я от всего сердца желаю скорейшего опубликования этого чрезвычайно ценного труда, который перед тюркологической наукой откроет совершенно новые горизонты и освежит многие досель неведомые или забытые проблемы. Ожидая опубликования этого труда, с которым имел возможность с великим вниманием и интересом ознакомиться в рукописном виде, я спешу ознакомить ученых Турции с основными научными результатами Заки Валиди бека. Я уверен, что эти открытия, вызвавшие глубокий интерес у таких ученых, как Бартольд и Маркварт, будут встречены с большим вниманием со стороны всех тех, кто имеет то или иное отношение к истории и лингвистике.

Одними из самых документированных или даже самыми документированными исламскими источниками по древней истории и географии не только тюркских, но и всех народов Азии являются

труды Абу аль-Райхан Бируни. Заки бек обнаружил досель неизвестное произведение Бируни, написанное рукой автора в «Газне» в 414 году по хиджре и по этому труду сделал неожиданное для всех открытие – установил древнее русло реки Амударья и ее старые берега. В результате проблема, которая давно занимала Европейский научный мир, в свете этого труда стала понятной: сведения о Жейхуне, содержащиеся в источниках древних греков, представляют собой данные о старом русле Амударьи. Эта мысль до сих пор не принималась европейскими учеными. Впрочем, в свете этого произведения Бируни проясняется верность сведений о том, что во времена дохристианского летоисчисления эта река вливалась в Каспийское (Хазарское) море, что нижняя часть реки текла не по руслу «Урбуй», образовавшемуся в монгольской стороне, а текла по руслу, называемому «Кялиф узбуй», расположенному на юге пустыни «Каракум». Выяснилось, что в позднее время на востоке Хорезма на русле «Узбуй» образовалось несколько озер и болот и в тех местах вместе с «Беженекскими» (печенегскими) тюрками в соседстве с ними жили племена «Алан» и «Ас» из народа Ара. Бируни знал, что эти племена «Алан-Ас» были частью «Аланов», ныне живущих на северном Кавказе (в данное время называемых «осетинами») и вынужденных переселиться туда из-за высыхания упомянутого русла, что чрезвычайно важно для истории юго-западной Европы. Кроме того, несколько трудов этого ученого, представленных в библиотеках Европы неполными экземплярами, в наших библиотеках сохранились в совершенно полном виде. Заки Валиди бек на основе изучения этих экземпляров добился ценных, досель неизвестных результатов по истории и географии Средней Азии и Ирана десятого века. В Хорезме, на родине Бируни, то есть на территории нынешней Хивы в то время жил хорезмийский народ, который впоследствии ассимилировался и в

языке его потомков не сохранилось ничего кроме отдельных слов хорезмийского языка. Заки бек в обнаруженных им в библиотеках Стамбула древних книгах по фикху и в одном труде Замахшари собрал около 113 разрозненных предложений на этом языке. Совершенно очевидно, какое значение имеют эти предложения для ученых филологов, занимающихся исследованием древних иранских языков. Европейские востоковеды и специалисты по иранологии, в частном порядке узнавшие об этом открытии, придают событию большое значение.

Еще большую значимость для тюркологических исследований представляет результат, достигнутый Заки бекком на основе изучения трудов «Рашид-ад-Дин табиба»: Рашид-ад-Дин, живший в конце XIII и начале XIV века в Тебризе во дворце илханидов, был автором одного из самых важных трудов по тюрко-монгольской истории – «Джамиг аль-тауарих» и нескольких других трудов. Заки-бей в библиотеках Стамбула находит наиболее полные экземпляры как «Джамиг аль-тауарих», так и других его трудов. В результате изучения этих трудов Заки бек установил, что у илханидов сформировалась своя «академия наук», что Рашид-ад-Дин вместе с окружающими его друзьями по науке был в тесной связи не только с исламскими, но и с европейскими и китайскими учеными, что труды, создаваемые этой «академией», писались не только на арабском и фарси, а также на монгольском и, возможно, тюркском языках и экземпляры их трудов на монгольском языке преподносились монгольскому правителю Олжайту. Несмотря на то, что Рашид-ад-Дин и его труды изучаются уже в течение века от Катрмера до Блоше и Бартольда, экземпляры его трудов, сохранившиеся в библиотеках Стамбула, оставались неизученными и усилия этих ученых до сих пор оставались нам неизвестными. С точки зрения изучения истории внешних тюрков эти

новые результаты трудно переоценить.

Заки бек кроме этих трудов, представляющих интерес для нашей культуры, обнаружил также труды, очень важные для тюркской филологии и их всесторонне изучил. Например, он комментирует сведения о тюркском языке, на котором говорили и писали в Азербайджане в эпоху господства монголов, содержащиеся в известном словаре «Ибн Муханна», исследовал и опубликовал источник на четырех-пяти страницах на старом азербайджано-тюркском языке, относящийся к той же эпохе. По его мнению, основу этого диалекта составлял язык таких тюркских племен, как «агачери, канкар», в особенностях произношения имели черты языка печенегов. Кроме того, он провел всестороннее исследование целой группы досель неизвестных произведений на тюркском языке, относящихся к VIII—IX векам по мусульманскому летоисчислению и являющихся очень важными с точки зрения исторической и литературной жизни пространства Хорезм – Золотая Орда. Представленные автором сведения о таких произведениях, как «Мукаддимат аль-Адаб», «Мугайн аль-Мурид», «Негджу аль-Фарадис», «Калифу аль-Худа» раскрывают один из самых неведомых страниц истории нашей культуры и открывают новые широкие просторы для тюркской филологии. Затем автор дает сведения о нескольких чагатайских источниках, найденных в Берлинской библиотеке и в библиотеке Топкапы. Среди них чрезвычайный интерес представляют пояснения к стихам «Шейбани хана» и попытки выявить влияние литературы анатолийских тюрков на чагатайскую литературу.

В конце этого большого тома имеется еще три важных статьи. Первая из них представляет собою монографию, чрезвычайно всесторонне и глубоко объясняющую географические сведения в труде «Диван лугат ат-тюрк». Следует признать, что другого

подобного исследования об исторической географии средневековых тюркских государств пока нет.

Вторая статья посвящена роли тюрков в событиях Западной Азии в седьмом веке христианского летоисчисления. Это исследование, проведенное на основе изучения предисловия «Адуар Шауана», во всех отношениях сделана на вполне современном уровне.

Третья монография представляет собою исследование об этническом происхождении тюрков, об их антропологических типах и с точки зрения антропологии и этнологии имеет чрезвычайно важное значение. Опубликование этой монографии является хорошим делом для удовлетворения интереса к проблеме антропологических особенностей тюрков, пробудившейся в нашей стране в последнее время, и данный труд послужит правильной основой для будущих исследований в этой области.

Поздравляем нашего дорогого коллегу с созданием столь богатого и всестороннего сборника, которому нет примера не только в нашей стране, но и во всей Европе. Не могу не выразить своего страстного желания, чтобы этот труд был опубликован в самом скором времени. Я верю, что отныне турецкий народ, освободившись от «подражательства» и «капитулянтства» в сфере науки, встанет на путь «зрелости» и «исследования». Такого рода произведения рождают во мне веру, что восточными учеными будут изучаться самые сложные проблемы. Опубликование этого труда будет иметь важное значение не только для турецких специалистов, но и для тюркологов всего мира и на этой основе откроются богатые возможности и новые горизонты для будущих научных изысканий.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди.
В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 11-14.

2. Герберт Янски¹⁵

Ахмет Заки Валиди Тоган

Ахмет Заки Валиди родился 10 декабря 1890 года в башкирской деревне Кузян в Стерлитамакском кантоне Башкирии. Его отец, Ахметшах, имам и учитель, содержал медресе, мать также была учительницей (мугаллима). Выросший в деревенской глуши, Ахмет Заки Валиди провел свою юность на горных пастбищах Урала, где охранял табуны лошадей своей семьи. Ему удалось подняться от первобытных жизненных форм одного из тюркских народов, башкир, до высочайших вершин духовной жизни, до ранга ученого с мировым именем. Заки Валиди Тоган как человек одолел этот путь, и дорога эта сформировала его как человека. В этом заключается тайна его личности, основа и одновременно масштаб его величия.

Арабский он изучал у отца, персидский – как у отца, так и у матери. С 1901 до 1908 года он учился в деревне Утяк, находившейся недалеко от родной деревни, в медресе своего дяди со стороны матери – Хабибназара Сатлыка, который являлся известным в округе шейхом, ученым-историком. Хабибназар Сатлык издал книгу по истории ислама (Мифтах аль тауарих), составил комментарии на арабском языке к книге Нагима аль Катиби по метафизике и физике (Хикмат аль айн), перевел на тюрки Науадира аль Калейби. Все три произведения были опубликованы в Казани (Ахметшах Валиди. Биография шейха Хабибназара Сатлыка).

Планируя продолжить дальнейшую учебу вдали от родины, Ахмет Заки Валиди придает особое значение изучению исламской

¹⁵ Герберт Янски – известный австрийский востоковед, близкий друг А.З. Валиди Тогана. Данная статья предваряет материалы международной научной конференции востоковедов, состоявшейся в Стамбуле в 1951 году, где А.З. Валиди председательствовал. Сборник материалов издан в Стамбуле в 1953 году и посвящен 60-летию со дня рождения З. Валиди.

теологии, арабистики, истории, географии и математики. В 1908 году едет в Казань, где его принимают в высшую степень магометанского педагогического духовного высшего учебного заведения Касимия. В 1909 году после его окончания он был оставлен в этом же учебном заведении учителем тюркской истории, истории тюркской и арабской литературы. Работая здесь до 1913 года, он одновременно подготовился и выдержал экзамен на вакансию учителя русского языка в инородческих школах, учился в качестве вольнослушателя на философском факультете Казанского университета у профессоров Н.Ф. Катанова (восточная история и философия) и В. Богородицкого (Всеобщая и русская филология). В 1911 году публикуется в Казани его первое научное произведение «История тюрко-татар». Книга находит благосклонный прием. Валиди избирается действительным членом общества археологии, истории и этнографии в Казанском университете и осенью 1913 года направляется в Фергану для проведения историко-этнографических исследований. Путешествие дает значительные результаты; особенно важны были открытия главнейших источников по истории Туркестана в виде рукописей и документов. Это побуждает Российскую Академию наук и международный комитет по исследованию Средней Азии направить Ахмет Заки Валиди в 1914 году с аналогичным заданием в Бухару. Он посещает не только столицу этого ханства, но и его восточные провинции, собирает бесценные этнографические материалы, обнаруживает важные рукописи по истории региона, покупает их для Российской Академии, и они как «Собрание Валидова» поступают в распоряжение Азиатского музея Академии наук.

Политические события в России, развернувшиеся в последующие годы, не оставляют в стороне и Заки Валиди. Став с 1916 года представителем мусульман Уфимской губернии в бюро

мусульманской фракции русской Думы, в начале апреля 1917 года он будет послан этой фракцией в Туркестан для организации национального конгресса мусульман этой страны. Участники состоявшегося конгресса направляют его как представителя Туркестана на Московский конгресс мусульман России, где он выступает как один из руководителей движения мусульман за национальную независимость. Он принадлежит к числу руководящих деятелей в национальном совете мусульманского Туркестана в Ташкенте, в национальном совете башкир в Оренбурге и избирается членом президиума исполнительного комитета мусульман России в Петербурге. Спешит от конгресса к конгрессу, в Ташкент, в Оренбург, в Уфу, организует в Башкирии выборы в «Учредительное собрание России», избирается туда делегатом от Уфимской и Оренбургской губерний. Когда 17 ноября 1917 года будет принято решение о создании автономного Башкирского государства, Ахмет Заки Валиди станет лидером Башкирского правительства, душой и движущей силой нового государственного образования. Как сказание распространяется из уст в уста по стране песня о нем:

Батыр егет килә ат өстөндә,

Аты уйнай ауызын тартканда,

Булат һауыт кейгән, һөнгө тоткан,

Ташты яра уктар атканда.

(Едет батыр верхом на коне,

Конь боевой качает буйной головой,

Одет джигит в кольчугу, в руках копье,

Камни крошатся от его стрел.)

Но руководимое Заки Валиди правительство не могло надеяться на продолжительное существование, и после некоторых перемен он окончательно решил отправиться в Южный Туркестан.

Вновь колесит он вдоль и поперек по обширной стране, в которой ему суждено пережить столько приключений. В июне и июле 1922 года вблизи Самаркандской провинции, в горах, он руководит тяжелыми боями против частей Красной Армии, которые после заключения польско-русского мира были переброшены в Туркестан для борьбы против повстанцев. 15 и 16 августа того же года, находясь в отряде самаркандских басмачей из «Национального объединения» под командованием Ачыл бека, участвовал в боях против намного превосходящих сил противника. Бой длился целый день и завершился поражением басмачей. Ближайшие соратники Тогана Аухади, Кари Камил попали в плен, Кари Садулла был убит. Тогда Заки Валиди разделил свой отряд на группы и отправил их в ночной тьме по различным направлениям Гиссарского горного хребта. Сам переночевал с двумя офицерами, с казахом Чакеном и башкиром Мингажем, в ледниках северного Мача. Рано утром оседлали они коней. Путникам понадобился целый день, чтобы пересечь бездорожные снежные поля и лесные массивы северного Мача. В следующую ночь с помощью узбекских крестьян они смогли незаметно пройти мимо красных воинских частей, уснувших от усталости, затем с помощью уже других узбекских и казахских крестьян опять пустились в бесконечную скачку через пустыню Кызылкум, ибо необходимо было успеть прибыть на тайно организованный пятый Национальный Конгресс Туркестана в Ташкенте. После верховой езды, длившейся трое суток, которую едва выдержали его больные малярией спутники,

Тоган достиг цели. Утром 18 августа он был уже среди своих единомышленников в здании казахского учебного заведения по подготовке учителей, находившемся в центре Ташкента. Из тех, кого Заки ночью под Мача отправил разрозненными группами в различные стороны южного Туркестана, он впоследствии немногих встретил в Иране, Афганистане, Индии и Турции.

Конгресс в Ташкенте стал важной вехой в истории Туркестана. Там было принято решение создать единое независимое национальное государство «Оло Туркестан» (Большой Туркестан), простирающееся от Волги до Тянь-Шаня, от Алтая до Памира, превратить Туркестанский вопрос в международную проблему. Было решено направить Заки Валиди и нескольких его коллег в страны Южной и Передней Азии для достижения этой цели. При изучении деятельности Заки Валиди Тогана в Туркестане то и дело звучит в ушах песня, которая о нем повествует:

АК ос Кондар оса ат ауызынан,

Таштар ына аягы астында,

Алга бара батыр, алга саба,

Саң төтөнө Кала артында.

(Белые искры летят изо рта коня,

Крошатся камни под его копытами,

Вперед стремится батыр, вперед скачет,

Лишь шлейф пыли туманом стелется вослед.)

Затем Валиди живет пять месяцев в Туркмении, в пустыне Каракум, в окрестностях Ашхабада и Мерва, занимается организацией групп «Туркестанского национального объединения» во всех частях

Туркестана. 20 февраля 1923 года он вместе со своим другом Фатхелкадиром Сулейманом (теперь проф. Абдулкадир Инан в Анкаре) пересекает русско-иранскую границу недалеко от Ашхабада. После семилетней политической деятельности и жестокой борьбы, едва оказавшись в безопасности, Тоган тотчас с головой окунается в науку, заниматься которой он не переставал даже в эти хлопотные, бедственные годы. Валиди ведет исследование в Мешхедской библиотеке Равза, в которую до сих пор не ступала нога ни одного ориенталиста. В июне 1923 года ведет научные исследования в Герате, вскоре после этого – в Кабуле, где занимается составлением каталога рукописей бывшей дворцовой библиотеки. Как в Иране, так и в Афганистане Валиди находит ряд ценных рукописей и документов, в Афганистане собирает этнографические материалы о хазарских племенах.

Из Афганистана через Индию Заки Валиди направляется в Европу. В конце 1923 года исследует собрания рукописей в Индии, в январе и феврале 1914 года работает в национальной библиотеке Парижа, а с марта 1924 года до мая 1925 года – в Берлинской государственной библиотеке.

Будучи в Берлине, Валиди в мае 1925 года получает приглашение турецкого правительства. С марта 1926 года он работает членом «научной комиссии» при министерстве культуры в Анкаре, в январе 1927 года становится профессором тюркской истории в Стамбульском университете, продолжает дальнейшее изучение рукописей в Турции (в Стамбуле, Анкаре, Конья, Кютахья, Афьон Карахисаре, Бурсе), а также в других странах (в 1928 году несколько раз побывал в Париже и Берлине, в 1929 году – Париже, Вене, в 1930 году – в Готха и несколько раз в Вене и Берлине, в 1931 году – еще раз в Вене).

С получением Стамбульской кафедры, казалось, жизнь Заки Валиди Тогана, после оставшихся позади бурь, входит в спокойное русло. Однако воззрения Заки Валиди на фундаментальные проблемы истории тюрков вступают в противоречие с официальной точкой зрения турецких историков. Он проявляет принципиальность и 12 июля 1932 года на конгрессе ученых историков в Анкаре, изложив свои взгляды, объявляет о своем отказе от кафедры. Этим шагом Заки Валиди Тоган покончил с тем прочным положением, которое он занимал последние пять лет. Вновь его судьба вступает на стезю неизвестности, он покидает Турцию и направляется в Вену.

В Вене начинается новый период жизни Заки Валиди, в сложной судьбе которого было столько перемен! И эта перемена была достаточно неожиданной: исследователь, первооткрыватель, ученый с мировым именем, который несколько лет своей жизни провел в качестве преподавателя в высшем учебном заведении, входит в студенческую среду, садится на студенческую скамью Венского университета. Однажды в 1931 году он пытался это сделать, но Ататюрк не счел его учебу в иностранном университете необходимой. Валиди слушает историю экономики у Допша, историю народов – у Копперса, арабскую филологию у Зейфа и иранскую филологию у Гейгера, приобретает прочные знания немецкого языка, изучает латынь.

В Вене Валиди пишет диссертацию – в будущем известнейшее его произведение «Путевые сообщения Ибн Фадлана», – защищает ее и получает 7 июня 1935 года докторскую степень. И это случается в то время, когда все прочнее укрепляется традиция присвоения звания почетного доктора высшего учебного заведения известным ученым и даже популярным общественным деятелям. Можно ли привести еще один подобный пример? Нет. Ахмет Заки Валиди Тоган не нуждался в

звании почетного доктора, он, окончивший высшее учебное заведение с обычным званием доктора, добывал все собственным трудом.

Вечером, в день защиты диссертации, Заки Валиди Тоган выступил с докладом в Венском университете перед профессурой, известными деятелями культуры Вены, о проблемах научного сотрудничества исламского Востока и Европы. В том же году доклад был опубликован в Парижском «Обзрении исламских исследований».

Ту глубокую благодарность, которую испытывают Венские востоковеды и другие специалисты к Заки Валиди Тогану за личное общение и обмен мыслями, здесь трудно было бы выразить. Я очень доволен тем, что мне посчастливилось обогащаться этим общением.

Еще до защиты диссертации Заки Валиди был приглашен на Востоковедческий семинар Боннского университета. 8 июня 1935 года он отправился туда, и с этого времени, до осени 1938 года, работает в Бонне в качестве гонорар-профессора по исламским наукам, в тесном сотрудничестве с Паулем Кале. Осенью 1938 года он был приглашен в Гёттингенский университет, где оставался до начала Второй мировой войны.

В мае 1939 года Тоган получает приглашение от Турецкого министра культуры вернуться на кафедру всеобщей истории тюрков Стамбульского университета. Он принимает это предложение.

Наконец Заки Валиди Тоган получил то место, которое принадлежало ему по праву больше, чем кому бы то ни было другому: кафедру тюркской истории в турецком государстве. Наконец его громадная работоспособность могла полностью освободиться от помех и препятствий, создаваемых неустроенной, неопределенной судьбой. Разумеется, Валиди и после этого не остается в стороне от ударов волн грозного времени, глубинные течения которого он прекрасно ощущает.

Сейчас Заки Валиди Тоган празднует свое шестидесятилетие во всем блеске успехов неутомимого творчества, в апогее своей судьбы как ученого и академического наставника, кто не только призван наукой, но в полном смысле этого слова является ее избранником.

Путь становления Заки Валиди Тогана от медресе отца и дяди до ученого исламоведа, от молодого учителя мусульманских школ до всемирно известного ученого дает возможность ясно выделить этапы его развития. В первые годы учительства в Казани главную задачу он видит в том, чтобы своими сочинениями по истории, этнографии и литературе познакомить тюркских сородичей с их собственной историей, довести до их понимания, а также до понимания западных тюркологов мысли и труды их собственных ученых. А с 1914 года, открыв важнейшие рукописи в Туркестане (его первая великая заслуга во всеобщей ориенталистике), он привлекает к себе внимание русской, а затем и мировой ориенталистики.

События с 1916 до 1923 года прервали цепь его научных публикаций. Лишь с 1924 года он смог их продолжить. Поначалу его исследования оставались на прежних основах. Лишь обосновавшись в Турции, Валиди включает в сферу своего изучения и Анатолию. Он занят, кроме всего прочего, и тем, что свои познания по истории тюрков оформляет в виде лекционных записей. Пребывание в Европе до 1939 года приводит эту часть его научных исследований к предварительному завершению. Опубликование его крупномасштабного произведения о Туркестане задержалось из-за целого ряда препятствий. Тем не менее Валиди продолжает публиковать труды меньшего объема. В 1938 году общее число его научных публикаций перевалило за 70. Большинство этих трудов представляет собой небольшие статьи. Но какую необозримую сумму знаний, результатов исследований и новых точек зрения они

охватывают! Наконец, в 1939 году появляется его значительнейший труд, который приносит ему признание во всем профессиональном мире, в том числе в Европе и Америке: «Путевые заметки ибн Фадлана» с его комментариями, которые Бертольд Шпулер назвал маленькой тюркской исторической энциклопедией и с полным на то основанием сказал, что труд этот уникален и никто, кроме Тогана, не смог бы его написать с подобной обстоятельностью¹⁶.

Эту книгу Генри Грегори ставит в один ряд с произведениями И. Маркварта и изданием Худуд аль Алам Минорского¹⁷. Работу Валиди Г. Грегори оценивает как произведение, совершенно необходимое для тех, кто желает извлечь этнографические и исторические сведения о южной России из арабских и персидских источников¹⁸. После публикации этого основополагающего труда, уже в следующем году завершается издание первой книги о Туркестане. Одновременно в 1940 году появляется труд Заки Валиди о географических воззрениях Аль Бируни. Он сделал широко доступными часть текстов великого исламского ученого, что, по оценке Георга Сартона, дало возможность вести исследования многим ученым¹⁹. В последующие годы Тоган постоянно публикует менее масштабные труды, статьи и исследования. Как можно было бы исчерпывающе охарактеризовать человека, который, будучи в течение многих лет подверженным жизненным неурядицам, неопределенности и различного рода притеснениям, неустанно творил с самоотверженностью, граничащей с одержимостью? Это в состоянии понять и оценить лишь тот, кто сам пережил нечто

¹⁶ Ежегодник по истории Восточной Европы. V. Берлин, 1940. С. 200-202.

¹⁷ *Минорский В.Ф.* (1877-1966) – крупнейший русский востоковед, дипломат России в Иране и Турции. После Октябрьской революции в Россию не вернулся. С 1937 года профессор Лондонского университета, автор многочисленных фундаментальных исследований по истории и культуре Ирана, Закавказья, Турции, по истории ислама, этнографии, истории востоковедения, член Британской и Французской академий.

¹⁸ Византия. Американская серия III (XVII), Кембриджское издание. 1945. С. 410-413.

¹⁹ Там же, XXXIV. Белингтон, 1942. С.31-32.

подобное.

Всегда с ясной, заражающе хитровой улыбкой, иногда задумчивый, но никогда не унывающий, Валиди стойко переносил все удары судьбы и не переставал творить, приумножая свои исторические познания. Поэтому появляются все новые и новые выдающиеся труды. В 1946 году появляется его «Введение во всеобщую историю тюрков» как систематизированный обзор его поистине всеохватных знаний и представлений; в 1950 году публикуется его произведение о методе исторического исследования, которое послужило для молодого поколения турецких историков направляющей нитью; в 1951 году издана обработка хорезмийского глоссария, так что иранистика обязана Заки Валиди Тогану за его решающий вклад в изучение Хорезма.

История тюрков от древнейших времен до современности (его труд о Туркестане в этом плане занимает особое место), а также этнографические и общие сведения о тюркских народах, наконец, труды об исторической географии стран, принадлежащих тюркскому жизненному пространству, в том числе Азербайджана – вот области, где Заки Валиди Тоган имеет перед наукой величайшие заслуги. Никто, кроме него, не был способен написать эти работы в том виде, в каком они выполнены, так как для этого нужно было бы родиться и вырасти на той земле. Например, никто не смог бы написать статьи об Алишере Навои, Бируни, Амударье, башкуртах, хазарах, Герате и Хорезме, вошедшие в «Исламскую энциклопедию», в таком виде и с такой глубиной, как это сделано Валиди. Лишь он оказался способен к столь глубокому и разностороннему интерпретированию и комментированию Ибн Фадлана и Бируни. Его заслуга также в том, что он всем вышеупомянутым востоковедческим дисциплинам придал новый блеск, собственный отпечаток, так что он сегодня в этих сферах

науки, вне сомнения, является ведущим специалистом. Его можно назвать живой энциклопедией этих наук, и как ученый он представляет собою исключительное явление.

Тюркские народы ровно тысячелетие исповедуют ислам, поэтому Заки Валиди Тоган не мог обойти также историю ислама. Поэтому исламоведческая наука обязана ему исследованием исторической географии исламских народов на основе изучения трудов Аль Бируни. В ходе изучения истории тюркских народов, расселенных в восточно-русских регионах, Заки Валиди высказал ряд ценных замечаний по истории различных финно-угорских племен, русских и германцев, а также о древних германских племенах, что могут оценить по достоинству лишь специалисты в этой области. О его вкладе в иранистику, о его заслугах в развитии ориенталистики как первооткрывателя, знатока и интерпретатора ценнейших рукописных источников, мы уже сказали.

Счастливой должна себя чувствовать турецкая молодежь, имея в лице Заки Валиди Тогана выдающегося знатока и толкователя общетюркской истории и культуры, великого учителя и толкователя методологии истории.

Основная черта научного облика Заки Валиди Тогана – это синтез исламской традиционной учености с западноевропейской исследовательской методологией. Без преувеличения можно утверждать, что это сочетание едва ли у кого-либо встречается в столь гармоничном единстве. Он с начала своей научной деятельности стремился к этому сочетанию, как к идеалу, и со временем достиг этого.

Немецкое общество изучения Восточных стран в выданном Тогану дипломе (после его избрания в качестве почетного члена) его научную деятельность оценило следующими словами:

«Немецкое общество по изучению восточных стран приветствует его как ведущего турецкого историка современности, как одного из редких исследователей, который мастерски сочетает восточную ученость с западным критическим методом. Его безграничные знания восточных исторических источников так же поразительны, как и продуктивность, с которой он этот материал обрабатывает. В области изучения экономической истории средневековой Передней Азии его достижения путеводны. Он один вывел в свет большинство из досель неизвестных основных источников в этой области, не говоря о многочисленных без вести пропавших рукописях, которые он сумел обнаружить в библиотеках Ближней Азии от Бухары до Стамбула. Как настоящий посредник между европейской и восточной наукой посвящает он все свои силы формированию тюркских историков».

* * *

Я попытался обрисовать жизнь и творчество Заки Валиди Тогана, насколько это было возможно в рамках небольшой статьи. Между тем, эти рамки обрекают представления о нем оказаться узкими и отрывочными. Круг деятельности Тогана в зависимости от периодов его жизни слишком широк и многогранен, чтобы его можно было поместить в ограниченные пределы юбилейной ученой статьи. Эта статья представляет его облик лишь как ученого, но не политика. О политической значимости Заки Валиди, как любого государственного мужа, говорят его общественные дела. О нем можно было бы сказать словами Шиллера, относящимися к Валленштейну²⁰: «Вызывая у различных партий ненависть и благосклонность,

²⁰ *Валленштейн* (1583-1634) – один из полководцев, имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне в Европе (1618-1648). Его деятельность получила в истории неоднозначную оценку.

колеблется его образ в истории». Эта часть его жизни²¹ еще должна быть описана в будущем.

Я не знаю, почему среди столь многочисленных почитателей Валиди именно мне предоставлена честь написать эти строки. Основанием к этому считаю лишь то обстоятельство, что я имел преимущество и удовольствие причислять себя к его близким личным друзьям. И в качестве близкого друга я не могу ограничиться характеристикой его лишь с чисто научной стороны как ученого, но хочу рассказать о нем еще и как о человеке, так как это именно тот случай, когда первое не представимо без второго.

Заки Валиди Тоган – великий ученый это определено. Но он велик и как человек. Человек у которого наука является внутренним призванием, неотъемлемой сущностью, человек, которому служение науке предписано самой судьбой, поэтому, едва выросший, он покинул ради науки нежно им любимую деревню. Он не из тех, кто академическую карьеру рассматривает с точки зрения занятия, ведущего к внешнему блестящему успеху и славе, а тот, кто служит науке, так как эту потребность носит в душе. Он из числа тех, кто, глубоко погружаясь в море научных знаний, никогда не отрывается от живой действительности и не теряет с нею живую связь.

Его научные труды издают не только запах бумаги и типографской краски, а источают флюиды той земли, на которой он вырос и которой служит до последнего. Человек, который не знает высокомерия, рядом с другим человеком не подчеркивает свою

²¹ Об оценке этой стороны его деятельности см., например: *Р. Пайпс*: Башкирская республика в 1917-1920 гг. Русское обозрение Гарвардского университета, октябрь, 1950; *Сэр Олаф Карое*: Советская империя и тюркская Центральная Азия. Лондон, 1958; *У.Е.Д. Аллен*: Азиатское обозрение, апрель, 1954. С. 165; *С.Р. Скрайн*. Журнал Королевского Центрально-Азиатского общества, 1954. С. 66; *Р.Х. Дейсон* (Вашингтонский университет). Американское историческое обозрение, апрель, 1954; С русской точки зрения: о «политической валидовщине» Уральская советская энциклопедия. Т. 1. 1933. С. 286 (статья «Валидовщина»); Журнал «Революция и национальности». № 73, март. 1936. С. 18; О «культурной валидовщине», там же. № 81, ноябрь. 1936. С. 1281. «Кызыл Кыргызстан». Фрунзе, 5 июня 1955 г.

значительность, и в таком выделении вовсе не нуждается, так как обладает истинным величием. Наконец, он человек, который и при большом возвышении не отрывался от земли, его породившей, не стал ей чужим, наоборот, вопреки всему остался тем, кем был, гордо это осознавая: сын своей родной земли, деревни, яйляу, гор и пастбищ. И это в нем самое великое.

Когда я говорю о моем друге Заки Валиди Тогане, мне хочется объяснить, что является движущей силой его сущности, так как это, возможно, мне лучше известно, чем другим, и мне он стал более понятен из-за родства наших душ. Это обнаружилось при первой же нашей встрече много, много лет назад в виде искры симпатии, которая переросла в длительную дружбу.

Заки Валиди Тоган оказывает глубокое воздействие не только на коллег и людей науки – это было бы и не столь удивительно – но и на всех, кто встречается на его пути, также и на тех, которым его ранг как ученого абсолютно неведом и которые даже не в состоянии оценить его научную значимость. Это я знаю также на примере моей родной Австрии, горы и долины которой во время своего пребывания здесь Заки Валиди прошел зимой и летом вдоль и поперек, разговаривал с жителями всех слоев, встречался с некоторыми из них неоднократно, завязывал с ними дружбу. Многие люди, в том числе простые деревенские жители, еще и сегодня, после истечения двух десятилетий, его помнят, о нем говорят, при встрече со мной непременно о нем спрашивают.

Разве это не может быть ясным доказательством силы его личности и свидетельством продолжительности его воздействия на людей чужой страны, которые до этого совершенно его не знали?

Ода на персидском языке, мастерски сочиненная афганским государственным деятелем Сердаром Габдерасул Ханом в честь Заки

Валиди как руководителя большой освободительной борьбы мусульманской Средней Азии против экспансии России, и письменные отзывы друзей Тогана из числа государственных мужей и ученых Ирана (Сейид Хасан Такизаде, Галиаскар Хикмет, Мирза Мухаммед Казвини, Мухаммед Али Фуруги), Индии (Абуль-Калам Азад, М. Хамидулла, М. Низамеддин, З. Сиддики) и западных стран (Е.Г. Браун, сэр Денисон Росс, сэр Орэл Штейн, В. Бартольд, И. Маркварт, П. Пейо, Г. Грегори), доказательство того, что Заки Валиди Тоган в глазах ученых самых разных стран, с которыми свела его судьба, предстает как личность, значение которой не ограничивается рамками религиозного или национального сообщества.

Заки Валиди Тоган – великий ученый и великий человек. Но вместе с этими двумя качествами еще один компонент образует его личность: он турок²². Это придает его научной деятельности особый смысл. В числе авторов трудов по тюркской истории турки были и до него, тем не менее ведущие ученые этой части научных знаний в основном были представлены учеными из числа других народов. С выдвижением Тогана на авансцену на переднем крае тюркской исторической науки появился турок в лучшем смысле этого слова, исследующий и объясняющий тюркскую историю.

Чтобы осветить обширное историческое пространство тюркских народов, историческая наука нуждается в ученых тюркского происхождения, освоивших, как Заки Валиди, современные методы исследования. Так как основные проблемы этой истории, о которой письменные источники всех европейских народов содержат сведения, могут быть выяснены лишь на основе богатейших пластов

²² В Турции все тюркоязычные народы считаются турками. И не делается различия между понятиями турок и тюрк. Например, казанский турок, азербайджанский турок, анатолийский турок и т. д. Тем более Валиди, проживший в этой стране половину жизни, воспринимался как турок. Этой традиции следует и автор статьи австриец Г. Янски.

этнографических материалов, сохранившихся среди тюркских народов. Необходимо сопоставление всех материалов на основе длительного сотрудничества специалистов самых различных областей вплоть до археологии и истории искусств. Сам Заки Валиди Тоган без больших затруднений мог исторические источники (большую часть которых, неопубликованных и неизученных восточных рукописей, разбросанных в различных библиотеках всего мира, он изучил комплексно) сопоставлять с этнографическими и археологическими сведениями, собранными им же самим на родине. Таким образом, он смог за короткий срок углубиться в досель неведомые области тюркской истории, расширить смелыми статьями сферу идейных ценностей тюркских народов и обнажить движущие силы обширного ареала тюркского мира, где возникали степные империи. Благодаря ему эта отрасль науки за короткое время достигла значительного прогресса со времен В. Бартольда и Р Гроссета. За изданием Ибн Фадлана с комментариями последовали заметки о мировоззрении Аль Бируни, к этому же ряду относится «Введение во всеобщую историю тюрков», а также оценка тюркской эпической литературы как исторического источника и его труд о научной методологии. Все эти произведения, созданные в тяжелейший период его жизни, при постоянном внутреннем беспокойстве о судьбе своих близких, доказывает, как выразился Паул Виттек еще в 1932 году, его «удивительное упорство и целеустремленность». Признание дела всей жизни Заки Валиди Тогана как современного историка культуры тюрков, самостоятельно выросшего в степи, вновь и вновь указывает на масштаб его успехов.

Результаты трудов всей жизни Заки Валиди Тогана, его научной деятельности являются плодами его льющейся через край энергии и необыкновенной работоспособности. Ничто, пожалуй, не

характеризует его так ярко, как один маленький случай, происшедший много лет тому назад: когда мы однажды, он впереди, я вслед за ним, поднимались по крутой горной тропинке в моих родных горах Энншталер, он вдруг нагнулся, взвалил на плечи лежащий на земле ствол небольшого деревца и продолжил путь. При этом, улыбаясь, оглянулся на меня и продекламировал кусок казахско-ногайского эпоса (который я в то время изучал), а он является лучшим его знатоком:

*Балдагы алтын уйлы су булат
Белиме катарлап бувганмын,
Саны күп жавды алыстан
Сум булат башакты үгеммен,
Эл четиннен кувганмын.
Тувулгымды²³ басып кийдим башыма
Сапса кылыч кесмес деп,
Каргаса каргыш үтмес деп.
Текти темир тонды күп кейдим
Тебинсинген кундерде
Терим кырга чыксын деп,
Теректи үргө сүйредим
Тере бутагы сынсын деп,
Сыйалмаган ажарым
Бер аз да болса тынсын деп.*

«Булатную саблю с позолоченным эфесом перепоясал я

²³ Шлем.

двойным поясом. В многочисленных боях отогнал я этой саблей бесчисленных врагов от границ своей родины. Одел я свой шлем поглубже на голову, чтобы не ранил меня сабельный удар, чтобы не проняли меня вражьи проклятья. И кольчугу (железную шубу) носил я долго, и плясал в кольчуге неистово, до седьмого пота, и деревянный сук тащил я в горы, чтобы усмирить переполняющую меня силу».

Пусть эта мощь Валиди сохраняется в нем для нас на долгое время²⁴.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 28-40.

3. Ричард Н. Фрай²⁵

ассистент, профессор Гарвардского университета, США

Заки Валиди как иранист

Турецкая республика счастлива тем, что здесь трудятся выдающиеся ученые ориенталисты, чьи труды сделали их известными во всем научном мире. Излишне напоминать, какой значительный вклад в науку внесли такие ученые, как Аднан Адывар, Фуат Кёпрюлюзаде, Заки Валиди Тоган и другие. Эту статью мы посвящаем последнему из перечисленных, кто в настоящее время является профессором тюркской истории в Стамбульском университете.

²⁴ Jansky H. Ahmet Zeki Velidi Togan// Zeki Velidi Togan'a Armagan-Symbolae in honorem Z. V. Togan: 60 dogum yeli munasebetiyle Istambul. S. XVII-XXXI.

²⁵ *Ричард Н. Фрай* – специалист по истории Средней Азии. Статья была написана для юбилейного сборника научных трудов востоковедов, посвященных 60-летию Заки Валиди Тогана, но в силу неизвестных нам причин в него не вошла, хранилась в архиве Заки Валиди Тогана, публикуется впервые. Перевод З.А. Юлдашбаевой.

Ахмет Заки Валиди Тоган родился 10 декабря 1890 года в деревне Кузян в Башкирии (Россия). Его отец был учителем и служителем исламской религии. Он учил своего сына арабскому и персидскому языкам с тех пор, как мальчик стал читать и писать. К счастью мальчика, и его дядя (старший брат матери) шейх Хабибназар Сатлык был выдающимся человеком, который учил маленького Заки мусульманскому богословию и истории с 1901 по 1908 годы. Последующие годы, до 1913 года, им были проведены в Казани, сначала в качестве студента университета, а затем в качестве преподавателя тюркской истории и литературы.

Между 1913 и 1916 годами Заки Валиди совершил две поездки в Туркестан, в ходе которых посетил не только его центры, как Ташкент, Бухара и Самарканд, но и горные районы к востоку и югу от городов²⁶.

В Казанском университете Заки Валиди проявил необыкновенную способность к изучению языков. Он научился писать и читать на арабском и персидском так же хорошо, как и на своем родном тюркском языке. Кроме того, овладел русским, а позднее немецким, французским и английским языками. Необходимо отметить, что публикации Заки Валиди выходили на многих языках, в том числе на татарском, турецком, русском, персидском, немецком и английском. Заки Валиди один из немногих, кому удавалось совмещать карьеру общественного и политического деятеля с богатой научной жизнью. Ибо он не менее известен своей деятельностью на политической арене во время революции в России. Я думаю, было бы несправедливо по отношению к нему обойти молчанием те годы, когда он трудился на благо тюркских народов в России, так как Заки Валиди воспользовался своими академическими знаниями для решения

²⁶ Отчет о поездке в Туркестан с описанием рукописей был опубликован в Записках Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 23 (Санкт-Петербург, 1916). С. 245-262.

См.: «Notice sur les manuscrits decouverts dous les bibliotheques du Mechhed et Kaboul», Journal Asiatique (1924), 149-151.

многочисленных фундаментальных задач, которые он ставил перед собой в те тревожные времена.

Его политическая деятельность началась осенью 1916 года, когда он был направлен в Санкт-Петербург в качестве представителя мусульман Уфимской губернии в Думе. После революции 1917 года Заки Валиди был отправлен в Туркестан для оказания помощи в организации конгресса мусульман. Он вернулся в Оренбург, чтобы начать работу за достижение независимости башкирского народа. Заки Валиди придерживался взгляда, что тюркские народы России должны быть свободными в организации своего внутреннего управления, независимы от славянской России. Несмотря на напряженную политическую деятельность, Заки Валиди удалось создать две газеты, принадлежащих мусульманской России.

В ноябре 1917 года Заки Валиди и его коллегам удалось создать автономное башкирское государство. Затем последовал период борьбы с Красной Армией. Заки Валиди был заключен в тюрьму большевиками и приговорен к смерти. Он был освобожден башкирскими и казачьими войсками. Борьба продолжалась до тех пор, пока не было достигнуто соглашение с большевиками. Обещания русских, однако, не были выполнены и Заки Валиди решил бежать в Туркестан, чтобы продолжить борьбу против большевиков. Это происходило в конце 1920 года, а на следующий год Энвер Паша прибыл в Туркестан, чтобы помочь движению. Вскоре части Красной Армии были направлены в Туркестан и в 1923 году Заки Валиди был уполномочен выехать за рубеж в поисках поддержки народу Туркестана в его борьбе против большевиков.

Заки Валиди направился сначала в Иран, затем в Афганистан и наконец в Париж и Берлин. В 1925 году его пригласили в Стамбул в качестве профессора. В 1929 году он оставил свою политическую

деятельность, чтобы все свое время посвятить науке. Все это время, с 1916 до 1929 года, Заки Валиди непрерывно вел научную работу, многого достиг, в чем можно будет убедиться из нижеизложенного. С 1931 по 1935 годы он учился в Венском университете, где наряду с занятиями других профессоров Заки Валиди изучал иранские языки у профессора Бернара Гайгера и защитил докторскую диссертацию по теме «Путевые заметки Ибн Фадлана».

Вскоре после этого он отправился в Боннский университет в качестве профессора исламских наук, а в 1938-1939 годах работал в Геттингенском университете. В 1939 году он вернулся в Стамбульский университет в качестве профессора тюркской истории.

Об интересной жизни Заки Валиди нами сказано достаточно. Но каковы же достижения в науке? Невозможно здесь перечислить хотя бы часть его публикаций, но некоторые из них будут упомянуты, поскольку имеют отношение к Ирану и иранским проблемам. Заки Валиди является, в первую очередь, историком тюркских народов, и есть более компетентные специалисты, способные рассказать о его работе в этой области. Действительно, наиболее известные его труды были посвящены тюркской истории, но его вклад в историю и культуру Ирана, также как исламского мира в целом, не следует недооценивать. Именно по этой причине я хочу подробнее остановиться на исследованиях Заки Валиди в области иранистики.

Значительная работа была проделана Заки Валиди с исламскими рукописями. Его открытие заметок Ибн Фадлана о его путешествиях по реке Волге в X веке н. э., так же как полная рукопись географии Ибн аль-Факиха в библиотеке гробницы в Мешхеде, без сомнения, хорошо известны всем ученым Ближнего Востока. Важные открытия, сделанные им в Бухаре и Кабуле (Афганистан) не столь известны. Среди рукописей из Кабульской коллекции, представленных

вниманию научного мира, были две значительные работы – T'arix-i-muluk-i-Kart и T'arix-i-mazarat-i-Balx, обе на персидском языке. Было бы практически невозможно перечислить все персидские рукописи, которые обнаружил Заки Валиди в библиотеках Стамбула. Все значение исследовательской работы в библиотеках Анатолии и Стамбула будет, возможно, оценено по достоинству в трудах учеников Заки Валиди.

Можно с уверенностью сказать, что Заки Валиди вновь открыл древний хорезмийский язык – язык восточного Ирана, который исчез практически бесследно, если не считать заметок в книгах аль-Бируни и других крупных ученых. Публикация его «Хорезмийских предложений в арабском сочинении по фикху»²⁷ вызвала огромный интерес среди иранистов. Заки Валиди вновь взялся за эту тему и в 1936 году на VIII конгрессе немецких ориенталистов выступил с докладом по теме «О языке и культуре древних хорезмийцев»²⁸.

Как настоящий ученый, он передал свои материалы доктору В.Б. Геннингу – специалисту по согдийскому и среднеиранскому языкам в Геттингене. По инициативе Заки Валиди и Геннинга советский иранист Фрайман начал изучать древний хорезмийский язык и внес существенный вклад в изучение этого языка²⁹.

Но исследование Заки Валиди не ограничивается изучением хорезмийских текстов в арабских книгах. Он провел тщательное исследование монетной системы и системы веса в Хорезме, которые до сих пор не опубликованы. Многочисленные заметки в публикациях Заки Валиди свидетельствуют о его знаниях и интересе к истории Хорезма. Стоит лишь сравнить статью «Хорезм» в турецком издании Исламской энциклопедии, написанную Валиди, с изначальным

²⁷ In *Islamica*, 3 (1927), 190-203.

²⁸ In *Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft*, 90 (1936), 27-30.

²⁹ Для дальнейших справок см. статью Фраймана в «Советском востоковедении», № 6 (1949). С. 63-88.

вариантом этой статьи.

Особый интерес для Заки Валиди представляла проблема тюркизации Хорезма и торговля этой страны с Восточной Европой.

В своей статье в ZDMG (см. выше) он сделал некоторые выводы, которые подтвердились результатами раскопок советских археологов³⁰.

В течение долгого времени Заки Валиди с огромным вниманием изучал труды аль-Бируни. Будучи хорезмийцем, аль-Бируни писал на арабском, и многое из того, что он написал, представляет для ираниста большой интерес. Возможно, ни один ученый не занимался исследованием рукописей всех трудов аль-Бируни так тщательно, как это сделал Заки Валиди.

Однако в печати появилась лишь часть тех исследований, которые Заки Валиди подготовил к публикации. Трудности, связанные с публикацией аль-Бируни, рассматриваются во введении к книге Заки Валиди «Бируниева картина мира» (Калькутта, 1939 г.).

В предисловии к этой же книге Заки Валиди делает обзор различных рукописей трудов аль-Бируни, которые он исследовал. Особый интерес представляет рукопись «Kitab al-saydana», хранящаяся в Бурсе с заметками на хорезмийском языке и малоизвестных диалектах восточного Ирана.

Другая важная рукопись «athar al-basiya», хранящаяся в библиотеке Umumi, позволяет заполнить пробелы и сделать поправки в издании Эдуарда Захау. Более подробно о работе Заки Валиди по аль-Бируни см. его статью «Бируни» в Исламской энциклопедии.

Следует упомянуть следующие его труды по доисламской и исламской истории Центральной Азии: «О плотности населения Центральной Азии в средневековье» // Festschrift zum 70. Geburtstag von A. Dopsch. Wien-Leipzig. S. 424-433. В этой же статье содержится

³⁰ См. великолепное произведение С. Толстова «Древний Хорезм» (Москва, 1948).

несколько интересных наблюдений об отношениях между иранскими и тюркскими народами в Центральной Азии. В рецензии «Ришар Г. Персидский мистик Джелялитдин Руми» // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes // Bd. 42. S. 151-153 автор показал широкое и фундаментальное знание исламской религии, ее разветвлений в виде суфизма и мистических течений. Неопубликованная рукопись содержит интересную статью об отношениях Гёктюрков и сасанидов в первой половине семнадцатого века, в то время как другая рукопись имеет отношение к истории персидских поэтов, написанной Давлатшахом Самарканди.

Кроме того, в третьей рукописи рассматривается труд Фирдоуси «Шах-наме» как источник по изучению истории тюрков. Все это свидетельствует о широте интересов и компетенции Заки Валиди. Действительно, его первой и главной любовью была любовь к истории тюрков и Туркестана, но в своем стремлении пролить свет на их историю он сделал большой вклад и в изучение Ирана.

Будем надеяться, что известный профессор тюркской истории Стамбульского университета сможет претворить в жизнь взлелеянные им планы перевода и издания важных трудов аль-Бируни, достигнет успешных результатов в исследовании всеобщей истории тюрков и продолжит писать замечательные статьи по истории и языкам народов Центральной Азии, как тюркских, так и иранских.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди.
В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 41-45.

4. Проф. доктор Салих Туг³¹

³¹ Салих Туг — видный ученый-историк, в начале 50-х годов — ассистент З. Валиди Тогана в Стамбульском университете, помогавший ученому в организации работы «Института исламских исследований». В последние годы был деканом богословского факультета Мраморного университета в Стамбуле. Ныне на пенсии. Данная статья опубликована в 1971 году, в 3-4 номерах журнала «Islam Tetkikleri Enstitiisii Dergisi», издаваемого Институтом исламских

Вслед за великим ученым Тоганом...

В июне 1970 года турецкое общество было охвачено глубокой печалью и душевной болью в связи с тем, что оно понесло тяжелую утрату – скончался один из самых великих представителей мира ученых. Наш великий учитель Ахмет Заки Валиди в сфере исламской культуры и истории был подлинным ученым и служил для подрастающего поколения ученых живым примером специалиста исключительной ценности, который сумел сам себя реализовать, хорошо пользуясь возможностями различных стран, в любых условиях не прекращая свой труд на ниве науки, не зная в этом деле усталости и став научным авторитетом в международном масштабе.

Он отпрыск образованной семьи, очень рано, еще в детстве, хорошо овладел фарси и арабскими языками, знание которых является непременным условием для образованного человека в мусульманской среде Средней Азии в целом и в особенности для изучающего историю ислама и тюркских народов. Углубляя свои знания, он изучил также русский и немецкий языки и получил возможность ознакомиться со взглядами европейцев на исследуемые им самим проблемы востоковедения, знакомясь с их первоисточниками. В этой связи он, с одной стороны, накапливал знания из родных источников, а с другой стороны, накопленные знания подвергал анализу как с точки зрения западной науки, так и с восточных мировоззренческих позиций, чем и достигал объективных научных результатов.

Заки Валиди расстался с нами, в самой прекрасной форме рассказав нам в своей большой книге «Воспоминания» различные

стороны своей жизни. Мы же в этой статье попытаемся коротко охарактеризовать его как человека науки с того момента, где остановился в своих мемуарах сам ученый.

Напряженная политическая жизнь, происходившая в России, особенно в 1917 году и позже, и вынудившая его прервать научные исследования, закончилась с переездом ученого в Турцию, и он в этой среде вновь обрел возможность возобновить свои научные изыскания. С 13 июня 1925 до февраля 1926 года он был в Анкаре членом «Комитета по делам сочинений и переводов», первые шаги своей академической карьеры в Турции начал 27 января 1927 года в качестве «штатного преподавателя тюркской истории» литературного факультета Стамбульского университета. Эту должность он исполнял до 20 июля 1932 года, то есть до своей отставки (отставка была принята 1 августа 1932 года) и выезда в Австрию и Германию, где в 1935 году добился степени доктора наук, 9 мая 1935 года в Боннском университете получил назначение «Гонорар-профессора по исламским наукам», а 19 сентября 1938 года по рекомендации этого же университета был удостоен звания «Гонорар-профессора Германских высших школ».

Покойный наш учитель Тоган, сумевший доказать всем свой высокий научный статус и квалификацию, до осени 1939 года в Геттингенском университете исполнял обязанности гонорар-профессора. 22 августа 1939 года решением № 649 Министерства просвещения Заки Валиди Тоган был назначен с 1 сентября 1939 года профессором литературного факультета Стамбульского университета, где он и трудился до самой своей смерти, являясь его гордостью и славой. Получив приглашение родины, он тотчас, без тени сомнений, с десятью ящиками, заполненными книгами, прибыл из Европы в Стамбул и приступил к своим обязанностям и бесповоротно

обосновался в Турции.

В годы Второй мировой войны, когда голос науки был едва слышен, мы видим его публикующим свои объемные, интересные труды по тюркской истории. Тотчас после тяжелого и горького политического процесса, закончившегося его полным оправданием, мы видим ученого за его университетской кафедрой, приступившим к своим научным занятиям, и он без усталости продолжает свою профессиональную деятельность не только внутри страны, но и на международной научной арене.

Любой, кто изучит документы о его университетской жизни, хранящиеся в виде двух больших папок на литературном факультете, с удивлением может узнать, что ученый принял участие в более чем тридцати научных конференциях, посвященных востоковедению, истории, в том числе истории искусств и наук, более 10 раз принимал участие в работе жюри по присвоению ученых званий доцента и профессора, многократно совершал научные командировки внутри страны и за ее пределами и выступал с докладами.

Чтобы показать, в какой степени Заки Валиди был востребованным, высоко оцениваемым ученым, знаниями которого стремились воспользоваться, достаточно сказать, что ему в 1950 году было присвоено звание почетного члена «Немецкого общества восточных стран», с 1 марта 1955 года он непрерывно переизбирался на должность руководителя Института исламских исследований (выборы проводились один раз в три года) и эту должность успешно исполняя до своей кончины, в течение года успешно преподавал тюркскую историю в Колумбийском университете, в Институте Ближней и Средней Азии и, наконец, Манчестерский университет в июне 1967 года в его честь организовал большое торжество и присвоил ему звание «Почетного доктора».

До самой смерти он стремился претворить в жизнь одну драгоценную идею: подготовить к изданию труд под названием «Фундаментальное описание тюркской филологии и истории искусств», об опубликовании которого было принято решение в 1951 году на Международном конгрессе востоковедов в Стамбуле. Окружавшие его люди хорошо помнят, что он часто упоминал слово «Фундамента», эта нетерпеливость объяснялась тем, что он решился до того, как рок настигнет его, успеть сделать кое-что для подготовки этой «Фундаментальной книги тюркской культуры».

Учитель в 1957 году в Стамбульском университете удостоился звания «ординарного профессора». Я не буду приводить в этой статье списки опубликованных и готовых к публикации статей ученого, проверенных и приведенных в порядок различными комиссиями, и хранящихся в его аттестационных папках. Чтобы показать уровень его научного авторитета, приведу лишь список международных научных конгрессов, в которых он принимал участие с 1950 года. Хотелось бы, чтобы все его выступления на этих конгрессах, каждое из которых является результатом серьезного исследования, были изданы в виде отдельной книги:

1. Конгресс немецких востоковедов в Марбурге (1950).
2. VII Международный конгресс по истории религий, Амстердам (1950).
3. XXII Международный конгресс востоковедов, Стамбул (1951).
4. Международный конгресс, посвященный 1000-летию со дня смерти Авиценны, Тегеран (1954).
5. XXIII Международный конгресс востоковедов, Лондон (1954).
6. Международный конгресс историков, Рим (1955).
7. Конгресс немецких востоковедов, Гамбург (1955).
8. Конгресс Международного центра по исследованию культур и

цивилизаций, Венеция (1955).

9. I Конгресс востоковедов, Пакистан, Лахор (1956).
10. XXIV Международный конгресс востоковедов, Мюнхен (1957).
11. Конгресс по изучению русской истории, Мюнхен (1957).
12. Международный конгресс по алтаистике, Кембридж (1961).
13. Конгресс немецких востоковедов, Геттинген (1961).
14. Конгресс по Урало-Алтаистике, Геттинген (1961).
15. XXV Международный конгресс востоковедов, Новый Дели (1964).
16. Конгресс по изучению русской истории, Мюнхен (1964).
17. Конгресс по Урало-Алтаистике, Утрехт (1964).
18. Конгресс по Урало-Алтаистике, Хельсинки (1965).
19. Конгресс по истории Ирана, Тегеран (1966).
20. Международный конгресс алтаистов, (PJAS, Неаполь 1966).
21. Международный конгресс по алтаистике, Манчестер (1967).
22. III Международный конгресс о турецком искусстве, Кембридж (1967).
23. Конгресс, посвященный 1400-летию нисхождения Корана Керима, Равалпинди (1968).
24. V Конгресс об Иранском искусстве и археологии, Тегеран (1968).
25. XVII конгресс немецких востоковедов, Вюрцбург (1968).
26. Конгресс по искусству Ирана, Шираз (1969).
27. Международный конгресс по исламским исследованиям, Фас (1969).
28. Юбилей и симпозиум Рашид-ад-Дина, Тегеран (1969).

В самых сложных и тяжелых ситуациях политической борьбы или личной жизни учитель не прерывал свою научно-исследовательскую

работу. Перед нашими глазами он с ранних утренних часов до позднего вечера без устали занимался научной работой и прожил, не ослабляя своего интереса к науке, на редкость целеустремленную жизнь. Занимался непрерывно. Уезжая зимой в Улудаг для занятия спортом или летом для исследований в летние жилища Анатолийских турков, в поезде при поездке из университета домой и обратно, в поездках на международные научные конгрессы, куда его так часто приглашали, в самолете или на пароходе, он, не обращая внимания ни на что, постоянно что-то читал или писал. Даже находясь на смертном одре, он непрестанно продолжал вносить исправления в подготовленные к изданию труды или писал письма своим близким друзьям в мире науки по проблемам, представляющим взаимный интерес. Лишь в случаях невыносимого обострения болезни он довольствовался тем, что его верная супруга знакомила его с последними научными новинками.

Сила духа этого большого ученого также была велика. Находясь под благодатной тенью Корана Керима, он в последние недели своей жизни, испытывая предсмертные муки, проявил стойкость, достоинство и уповал на бога.

Мы в университете обеспечим надежное продолжение созданным им традициям самоотверженного, серьезного и широкого научного исследования, а ему самому желаем всех милостей бога³².

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди.
В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 46-50.

³² Ожидая, что в самом скором времени будет издано «Био-библиографическое исследование о Тогане», подготавливаемое последним самым близким учеником покойного профессора доктором Тунджером Байкарой, мы находим уместным напомнить, что необходимо собрать и также издать в виде сборника все его опубликованные и готовые к публикации статьи, а также тексты докладов, сделанных на научных конференциях как внутри страны, так и за ее пределами.

5. Нихал Атсыз³³

Историзм Заки Валиди Тогана

Вне всякого сомнения, Заки Валиди Тоган войдет в историю как «великий историк». Даже те, кто критикует его по некоторым вопросам, признают его как великого историка. Более того, молодой историк Йылмаз Узтуна применил по отношению к нему оценку «самый великий из когда-либо живших тюркских историков».

Заки Валиди Тоган еще в очень молодые годы вошел в историческую науку с определенными национальными идеями и всю свою жизнь, полной приключений, никогда не прекращал свои исторические изыскания. Он стал великим историком, опираясь как на свои способности к этому делу, так и на возможности, представляемые человеку, знающему несколько языков. Кроме того, он преуспел и в овладении вспомогательными дисциплинами, необходимыми для историка.

Условиями становления великого историка являются способность проникнуть в сущность исторических процессов, хорошо анализировать истинные и ошибочные стороны первоисточников, правильно объяснять связи нынешних событий с предыдущими. Великий историк тот, кто может извлекать исторические истины из эпосов и преданий. Заки Валиди Тоган, занимаясь историей более 60 лет, сумел достичь именно этих качеств.

По сравнению с накопленными им историческими знаниями опубликованных трудов он оставил мало. Если бы жизненные условия были более благоприятными и все подготовленные им труды были опубликованы, то тюркские библиотеки стали бы намного богаче исторической литературой.

³³ Атсыз Нихал (1905-1978) – широко известный в Турции ученый, журналист, писатель и политический деятель, автор популярных романов «Смерть Бозкуртов (серых волков)», «Бозкурты (серые волки) оживают», «Храбрый волк».

Большим пробелом остается то, что до сих пор не опубликованы его труды о караханидах, об эпохе Тамерлана, об исторической географии тюркских стран, о Навои, Бируни, Рашид-ад-Дине.

Мы можем утверждать, что он был единственным тюркским профессором, научная значимость которого была признана во всем мире. Его приглашали читать лекции в Америку, Англию, Германию, Индию, Пакистан и, кажется, Японию, и ни одного другого тюркского профессора, удостоенного такой чести, нет.

Он очень хорошо знал историю Туркестана и Золотой Орды. Историей Турции он не занимался, однако, пользуясь чутьем и проницательностью великого историка, он был первым, кто сумел решить одну проблему, относящуюся к истории Турции. Как известно, история Османской империи начинается с одного эпоса: когда племя Кайы во главе с Эртургул беком двигалось на запад Анатолии, в одной долине они вышли к двум воюющим войскам. Сельджуки сражались с татарами (то есть войсками Чингизхана) и проигрывали бой. Эртургул со своим небольшим отрядом бросился на помощь проигрывающим, и татары потерпели поражение.

Эта тема разъяснялась в исторических книгах, когда мы еще учились в начальной школе, и в наши души внедрялся принцип, что «турки всегда помогают терпящим поражение».

Данное событие до Заки Валиди Тогана воспринималось как война между войсками Чингизхана и сельджуками. Заки Валиди был первым, кто обратил внимание на то, что это была война между сельджуками и хорезмийцами, и что это было сражение между сельджукским султаном Гелаветдином Кейкубадом и хорезмшахом Джалалетдином Менгуберти, происшедшее в Яссычимане. Сражение произошло в 1230 году в местечке Яссычиман вблизи от Эрдзинджана. Эти сведения Заки Валиди Тоган обнаружил в рукописи

историка Несеви. Несеви написал, что терпящий поражение Гелаветдин Кейкубад выиграл сражение благодаря совершенно неожиданной помощи с востока (Всеобщая история тюрков. Стамбул, 1970, второе издание, стр. 322). В это время племя Кайы передвигалось из Хорасана на запад Анатолии. Заки Валиди Тоган, хорошо знавший историю Чингизидов и Ильханидов, прекрасно отслеживал последствия походов Чингизхана на Запад и в Переднюю Азию.

Напоминая это открытие Заки Валиди Тогана, я хочу показать, как великие историки бывают внимательны к событиям. Подобные его открытия не ограничиваются Яссычиманским сражением, а относятся ко всему начальному периоду Османской истории, ко всей истории княжеств Уч.

Благодаря своей пытливости и верному методу анализа, Заки Валиди Тоган стал тем, кому удалось прояснить часть темных, противоречивых и ложных сведений, относящихся к начальному периоду Османской истории. Я не стану перечислять все эти случаи. Интересующиеся могут обратиться к страницам 324-337 вышеназванной книги.

Книги он читал с большим вниманием. Благодаря этому ему удалось уточнить дату написания «Дивани лугат ат тюрк» Махмута Кашгари. Годом написания этого труда было принято считать 466 год по хиджре (по христианскому летосчислению – 1073-1074 годы). Тщательно изучивший содержание книги, Тоган установил, что она написана в 470 году по хиджре (по христианскому летосчислению – 1077 год). (См. *Atsiz Mecmuası*, № 16, 1932 г., 15 авг.).

Заки Валиди Тоган хорошо умел пользоваться эпосами в целях исторического познания. Одним из примеров этого является сравнение имен каганов Огуз-наме с некоторыми именами каганов

западных Гёктюрков. Обращая внимание на то, что в эпосах часто названия родов, племен и народов применяются как имена людей (правителей), он сделал важное заключение. Он предположил, что тюркский хан Шу, упоминаемый в труде Махмута Кашгари как современник Александра Македонского, в действительности был названием древнего тюркского народа, жившего в Туркестане. Китаевед Эберхард подтвердил это его предположение. Кроме того, он мог делать некоторые исторические выводы благодаря хорошему знанию личных имен, применяемых у самых различных тюркских народов. На основе личных имен он установил, что в Западной Анатолии часть Уч беков произошла не от Огуз-Туркменов, а от кипчаков.

Одно из условий, определивших мощь его исторических познаний, заключалось в том, что он пропутешествовал по значительной части обширной территории, где разворачивалась тюркская история. Однако это было не поверхностное обозрение этих земель, а исследование, проделанное с умом и с душой.

Как у человека, жившего в лоне истории, все его частные беседы и выступления на собраниях в конечном счете непременно доходили до истории. Он бывал крайне доволен, когда западные специалисты публиковали серьезные книги, подтверждающие его точку зрения по тем или иным проблемам.

Заки Валиди Тоган, приехав в Турцию, не смеялся, был всегда серьезен. Позже изменился и сам начал рассказывать разные смешные случаи из своей жизни. Заканчивая эту статью, не удержусь от желания поделиться одним из его рассказов.

На своей родине, в Башкортостане, он однажды вечером выпил много кумыса и опьянел. Я по собственному опыту знаю, какое это чудесное состояние – опьянение от кумыса. Тоган, желая отрезветь,

ополоснув лицо холодной водой, направился к ручью, протекавшему недалеко от дома. Была лунная ночь. Дальнейшее он рассказывал так: «Я приблизился к ручью. Однако, что я вижу? Луна находится прямо передо мной! Оказалось, что я упал навзничь, но этого не почувствовал, и луна оказалась непосредственно перед моим лицом!»

Естественно, и слушатели, и он сам с удовольствием смеялись.

Историк Заки Валиди и сам стал частью истории и частью наших воспоминаний. И действительно, что такое жизнь? Не сводится ли она к паре воспоминаний?

21 июня 1971 года

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 51-54.

6. Неждат Санчар³⁴

Несколько воспоминаний об учителе Заки Валиди

Я впервые встретился с Заки Валиди Тоганом будучи студентом литературного факультета Стамбульского университета. Несмотря на то, что я был студентом филологического отделения, вместе с несколькими своими друзьями посещал занятия учителя по истории, слушал его. И он проявлял интерес к «филологам», интересующимся его предметом. Учитель был и спортсменом. Когда он узнал, что я играю в футбол в команде Фенарбахче, то его интерес ко мне еще больше возрос.

Мы с ним еще больше сблизились в 1944-1945 годах, когда были обвинены в туранизме, арестованы и под одной тюремной крышей пережили тяжелые и мучительные дни. Наша дружба сохранилась до самых последних дней жизни учителя. Здесь я поведаю лишь

³⁴ Неждат Санчар – турецкий ученый и общественный деятель арестованный турецкими властями в 1944 г. вместе с З. Валиди

несколько воспоминаний из моей многолетней дружбы с Заки Валиди.

У учителя почерк, писал ли он арабицей или латиницей, был очень неразборчивым. Особенно чтение написанного им арабским шрифтом было так же трудно, как прохождение по мосту над адом. Воспоминания, связанные с этим обстоятельством, относятся к первым годам моего учительства.

Летом, когда я был в Малтепе у Нихала Атсыза, и Заки-бей прибыл к своему старому ученику в гости. В тот день я должен был по одному делу отправиться в Кадыкёй. Заки Валиди-бей одному своему другу, профессору в Вене, хотел отослать почтовую карточку и попросил меня ее отправить в почтовом отделении Кадыкёй. Карточка была заполнена арабицей. В почтовом отделении служащий пожилого возраста, взяв в руки карточку, обратил внимание на то, что она заполнена арабским шрифтом, и сказал: «Так не пойдет, по-старому написано». И вернул мне карточку. Я оказался в затруднительном положении. Однако из этого положения меня спасла неразборчивость почерка учителя. Почтовому служащему я сказал: «Эти строки написаны не арабскими, а уйгурскими буквами. Смотрите, и посылающий профессор, и получающий. Кокетство, присущее лишь ученым!» Человек, взяв в руки карточку, некоторое время ее рассматривал. Учитель написал арабскими буквами, однако они не очень походили на буквы, которым учили в свое время немолодого служащего. Когда я заметил, что «арабские и уйгурские буквы немного похожи друг на друга», он поверил и шлепнул на карточке свою печать. Таким образом, плохой почерк учителя в первый и последний раз оказали мне услугу.

* * *

Это было в то время, когда в ходе судебных разбирательств 1944 года всех нас поместили вместе в военной тюрьме. Вечером,

просматривая газеты, я обратил внимание на статью, где сообщалось, что у Сталина левая рука была ненормальной, а два пальца правой ноги были сросшимися. Заки-бей в начальный период коммунистической революции некоторое время сидел за одним столом с Лениным, Сталиным и другими красными лидерами. Я спросил у него, знал ли он о том, что написано в этой статье. Когда он ответил, что не знал, я спросил:

– Как же так, учитель? Быть столько времени вместе с человеком и не знать, что у него сросшиеся пальцы на ноге?

Учитель совершенно серьезно ответил:

– Откуда же мне знать? Я же с ним в баню не ходил.

* * *

В дни, когда мы находились в военной тюрьме и когда наступило время готовить речь в свое оправдание, все мы начали неустанно заниматься этим делом. Речь в собственную защиту, подготовленная учителем, оказалась слишком длинной. У покойного, наряду с неразборчивым почерком, и объяснения были не самые лучшие. Особенно предложения у него были чрезмерно длинными. Когда я закончил свою речь, учитель отдал мне собственную речь, уже отпечатанную на машинке, и попросил прочитать. Предложения, как в обвинительных речах прокуроров, изобиловали словами «ввиду происшедшего», «ввиду случившегося», «из-за приближения» и становились непомерно длинными. Даже я, хорошо зная ход всех описываемых событий, затруднялся вникнуть в смысл написанного. Судьям было бы трудно, исходя из этих предложений, вынести решение в пользу учителя. Я объяснил это обстоятельство Заки-бею и попросил разрешения разделить слишком длинные предложения и в некоторых местах добавить объяснения. Он принял мое предложение. Я занимался этим делом три-четыре дня. Слишком длинную

оправдательную речь сократил и привел ее в более простой, понятный вид. Учителю понравилось проделанное мною. Однако из-за добавлений, стираний, исправлений страницы так были испещрены, что всю речь понадобилось перепечатать. По-моему, эта оправдательная речь могла быть использована не на суде, а лишь на кассационном суде.

* * *

Во времена, когда Сулейман Демирель был Премьер-министром, тогдашний лидер республиканской сельской национальной партии Алпарслан Тюркеш вместе с одним своим другом, членом парламента, посетил его и руководителю правительства выразил свою озабоченность тем, что на восточных территориях страны нарастает движение курдов, что оно представляет собой изо дня в день все увеличивающуюся угрозу и поделился с ним своими мыслями по предотвращению назревающей опасности. Сулейман Демирель, спокойно выслушав Тюркеша, пытавшегося предостеречь его от беды, сказал следующее:

– Тюркеш-бей! Проблема востока – это проблема продовольствия. Как только туда доставим продовольствие, никакой проблемы там не останется!

Этот ответ показывает, что тактика местных красных по соединению курдского движения с проблемами заброшенной Восточной Анатолии Демирелем сводится к одной единственной продовольственной проблеме.

Заки Валиди Тоган, приезжая в Анкару, часто приходил ко мне. Одно из его посещений совпало с теми днями, когда состоялся вышеупомянутый разговор Тюркеша с премьер-министром. В ходе беседы я рассказал Заки-бею и об этом разговоре. У учителя была лишь ему одному присущая манера смеяться. Услышав, что проблему

Восточной Анатолии сводят всего лишь к вопросу о продовольствии, он рассмеялся в собственной манере. Я спросил:

– Чему же Вы смеетесь?

Он в ответ рассказал один эпизод, случившийся еще в 1917 году: на одном из собраний в Кремле один из участников говорил о движениях в Туркестане и сказал, что все это может перерасти в восстание и убеждал в необходимости принятия мер. На что Ленин ответил:

– Стоит заполнить их желудки хлебом, тотчас все и успокоится.

Передав эти слова Ленина, учитель далее сказал:

– Смотри, прошло столько лет. Сейчас турки Туркестана не только сыты. Они имеют и некоторые возможности для культурного развития. Но отказываются ли они от притязаний стать независимыми?

* * *

Заки Валиди стал теперь воспоминанием. Однако он своей беспримерной мощью в сфере тюркской истории является великим воспоминанием. В число обязанностей, выпадающих на долю молодых тюрков, выросших на его занятиях, входит и то, чтобы они на открытых им путях науки сумели стать достойными последователями.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 57-60.

7. Хасан Оралтай³⁵

Великий специалист Заки Валиди Тоган

Имя Заки Валиди Тогана произносится с одинаковым почтением как и у тюрков, находящихся в зависимости от России, так и у тюрков,

³⁵ Хасан Оралтай – турецкий ученый, ученик З. Валиди.

оказавшихся под гнетом Китая.

В 1949 году до захвата Восточного Туркестана коммунистическим Китаем интеллигенция, сплотившаяся вокруг журнала и издательства «Савле» в центре Восточного Туркестана Урумчи, знакомилась с книгой Заки Валиди Тогана «История Туркестана», изданной в Египте арабским шрифтом.

В 1952 году мы впервые получили письмо от учителя, которое переправил нам через одного американца, прибывшего через Стамбул в Кашмир для научных исследований. Для нас, находившихся далеко от родины, в лагере беженцев, это письмо учителя было великим утешением.

В конце июня 1954 года, когда мы, прибыв из Кашмира в Турцию, находились в переселенческой гостинице «Тузла», учитель по служебным делам находился в Европе. Тем не менее, он послал к нам уважаемую Назмию ханым с Субидай-беем поинтересоваться нашим положением. Даже если оставим в стороне его книги и бесчисленное множество статей, эти два вышеупомянутые поступки показывают, что учитель тюркский мир воспринимал как единое целое и ни в какой форме не делал никаких различий между тюркскими народами. Если бы это было не так, то он не интересовался бы нами в Восточном Туркестане. Кстати, ни в Кашмире, ни в Турции, когда мы пребывали в лагерях для беженцев, из числа зарубежных тюрков, никто, кроме А. Инана и З.В. Тогана, нами не интересовался.

После 1955 года мы с учителем довольно часто встречались. Мы специально приезжали из Сахилли в Стамбул на ежегодные собрания общества «Туркестан – страна восточных тюрков», которое было создано именно стараниями Заки Валиди Тогана. А сам учитель в летнее время приезжал к нам пить кумыс и «вспоминать прошлые дни». Его беседы незабываемы.

С покойным З.В. Тоганом последний раз я встретился в начале мая 1968 года в Мюнхене. Как всегда, он возвращался с какой-то научной конференции. По пути домой он заехал и в Мюнхен. Из отеля, где остановился, позвонил мне. Я тотчас приехал к нему в отель и увел его домой в гости. Покойный учитель пожелал в тот вечер в нашем доме встретиться с некоторыми туркестанцами, особенно с казахскими интеллигентами, живущими в Мюнхене. Однако, к сожалению, желание одного из самых великих ученых тюркского мира, соратника по борьбе таких великих людей Туркестана как Алихан Букейхан и Ахмет Байтурсун, учителя, возраст которого давно перевалил за семьдесят, мы удовлетворить не смогли. Учитель не стал по этому поводу слишком расстраиваться, стал мне рассказывать некоторые вещи с тем, чтобы я мог позже передать все это остальным. Когда учитель начал излагать свои мысли, мой земляк Дж. Бапыш, находившийся вместе с нами, говорил мне: «Записывай, забудешь!» Поэтому я тотчас записал все, что он тогда говорил:

1. Туркестанцы, живущие в Мюнхене, должны отказаться от межплеменных трений и должны объединиться под знаменем тюрко-мусульманства. Они должны проблему восточных тюрков ставить в целостном виде. Восточные тюрки не должны противоречить друг другу, создавая проблему из национальных различий.

Сейчас Россия старается области Улудага, Караганды, Байконура, Арки, Урала и Тургая оторвать от Казахстана и связать с Москвой. Русские никогда не откажутся от этих своих планов. Именно поэтому полезно защищать границы Туркестанских республик как единое целое.

2. Туркестанцы в Мюнхене должны быть подальше от, я слышал, недавно созданного общества, во главе которого стоит Ахметжан. Нужно избежать ярлыка «раскольник».

3. Было бы очень хорошо вновь организовать комитет «Тюркели». Будет полезно продолжить деятельность этого комитета, оставаясь верными принципам, изложенным в 1952-1953 годы в журнале «Тюркели». Необходимым условием является привлечение в комитет «Тюркели» представителей всех народов Туркестана.

4. Обращая большое внимание литературным языкам Туркестанских тюрков, необходимо стремиться к их отюречиванию. Это очень важно. Например, весь Туркестан можно было бы называть «Тюркили». Сейчас в Турции слово «эли» пишется «или». «Или» используется в географическом, а «эли» – в этнографическом смысле. И мы должны это принять. Общим названием восточного и западного Туркестана может быть «Тюркили». А народ, который там живет, можно называть «Тюркели».

5. Вопрос о литературном языке должен быть «эластичным». Нужно иметь в виду, что сегодняшние диалекты не останутся в неизменном виде, прежние диалекты не вернутся вновь, диалект одного племени нельзя будет насильно навязать другому племени. По этому вопросу с теоретической точки зрения нужно создать единую основу. Общий алфавит Туркестана должен иметь, как это было прежде, N с хвостиком [4] и Q.

Когда учитель объяснил нам все это, разволновавшийся Д. Бапыш-бей предложил нам отправиться домой к одному из тех туркестанцев, который не пришел на встречу, несмотря на наше приглашение. «Я повезу вас на своем автомобиле», – сказал он. Учитель согласился с этим. Я позвонил тому человеку и сказал, что приедем к нему. Он этого не желал. Время было 9 часов вечера. Но я ему сказал: «Мы пригласили, вы не пришли. Теперь мы приедем». И поставил его перед фактом. Мы поехали к нему.

Назавтра учитель выехал в Стамбул. Я проводил его до

остановки автобуса, везущего пассажиров в аэропорт, поцеловал руку. Это была моя последняя встреча с учителем.

Смерти З.В. Тогана исполнился год. Теперь его с нами больше нет. Не любившие его при жизни не любят его и после смерти. Если бы это было не так, то один из журналов, издаваемых на деньги Турецкой Республики, в сообщении о его смерти не стал бы допускать упреков. В крайнем случае дал бы о нем такую же объективную информацию, как английский журнал «Central Asian Review». Подлинную причину такого поведения этих людей учитель объяснил в своих «Воспоминаниях». А на странице 143 книги «О судьбе тюркизма», опубликованной после смерти учителя издательством «Кайы», он именно об этих людях пишет: «Вот уже тридцать лет не подают руки».

Мы с почтением склоняем головы перед дорогой памятью покойного Заки Валиди Тогана.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 61-63.

8. Исенбике Тоган³⁶

Вспоминая отца...

Когда я задала отцу первый осознанный вопрос, мне было пять лет. Мы находились в библиотечной комнате в здании Баязет Соганага. Отец, приподняв очки на лоб, стоя перелистывал книги. Я спросила его: «Сколько тебе лет?» Он ответил:

«Много, не запомнишь!» «Все равно скажи», – настаивала я, и он сказал: «Пятьдесят пять». Следовательно, это происходило в 1946

³⁶ Исенбике Тоган – доктор исторических наук, профессор Средневосточного технического университета в Анкаре, специалист по средневековой истории Средней Азии.

году.

В это время я уже немного понимала, что мой отец известный человек. Знала также, что и в тюрьму он попал из-за своей известности. Именно в это время к нам домой начали приходить «дяди». Они воевали в армии СССР, попали в плен к немцам, а затем на стороне немцев воевали против Советов. В моем детском сознании запечатлелось, что их основным желанием тогда было «посмотреть мир». Они знали по-русски, научились говорить по-немецки, но каких-либо дипломов у них не было. Они считали, что предлагаемая им в Турции работа не соответствует их уровню и возможностям, полагали, что они достойны лучшего. Впоследствии эти «дяди» постепенно покинули Турцию. Среди этой приезжей молодежи были и земляки моего отца – башкиры. Издалека пришли и куда-то далеко уехали. Я тогда была уже в состоянии понять, в какую новую жизнь окунается мой отец, разговаривая с ними. Когда отец в 1951 году занимался организацией XXII Международного конгресса востоковедов, эти «дяди» оказывали ему помощь в некоторых делах. Со стороны отца у нас не было никаких родственников, эти земляки внесли тогда в наш дом родственную теплоту. Однако больше всего в мою детскую память врезалось то, как отец с ними разговаривал, применяя множество незнакомых нам слов, как в ходе малопонятных нам разговоров он, совершенно забыв то, что окружало его сегодня, удалялся от нас в другой мир. Один из старых его учеников профессор Энвер Конукчу сказал как-то: «Мы никогда не могли отвлечь учителя от тоски по родине».

Вспоминая отца в день 24-летия его кончины, я думаю, что Бог нам дал сейчас возможность понять, чем объяснялась его неизбывная тоска по родине. После разрушения Берлинской стены в 1989 году, запрещения в декабре 1991 года Коммунистической партии и распада

Советского Союза, наблюдая из окна своего дома происшедшие гигантские перемены в Восточной Европе и Азии, в особенности, в тюркском мире, я вижу отца и себя связанными с Башкортостаном. Поэтому в этой статье я намерена писать о том, что мы узнали нового о нашем отце после нашего с братом Субидаем посещения Башкортостана, благодаря, выражаясь, как в старину, «открытию дорог» и в результате бесед с башкирами, приехавшими в Турцию изучать наследие отца и встретиться с нами.

Люди, близко знавшие отца, большею частью вспоминают его некоторые своеобразные привычки, и по этому поводу передаются из уст в уста даже некоторые рассказы. Однако в этих рассказах ударение делается на особенности его характера или привычек, которые выделяли его среди других, ставили особняком. Я же считала, что мой отец, зная себе цену, не испытывал нужды и желания походить на других, оставался всегда самим собой. То, что в основе этого поведения лежало еще и чувство одиночества, я начинаю понимать только сейчас.

Одна из своеобразных его привычек была связана с чаепитием. В Турции чай пьют из стеклянных стаканчиков и при этом придается значение крепости чая, определяемой по цвету, который должен напоминать «кровь зайца». А отец любил пить чай из чашек, положив туда абрикосовую пастилу, помешивая ложечкой, пока он не станет мутным. Я никак не могла понять пристрастие отца пить мутный чай и иногда пыталась по-своему просветить его, говоря: «Отец, чай пьют из стеклянной посуды». На это он отвечал с улыбкой: «Яйцо учит курицу». В декабре 1990 года во время празднеств в Башкортостане, устроенных в честь 100-летия со дня рождения отца, я заметила, что там многие в чай кладут пастилу, которую называют «*Ка К*». Позже в Турции я узнала, что и у нас, в местности Кыршехир, пастилу в народе

называют точно так же. Очень любят *как* из земляники и смородины, изготовленный особым способом. Дикая земляника поспевает в конце июня, в это время башкиры, живущие в городах, независимо от занимаемого в социальной иерархии положения, едут в деревни к родственникам собирать землянику и дома делают пастилу. Отец пастилу покупал на рынке, но хотел, чтобы очень любимые им варенье и лапша, мелко нарезанные кусочки теста, приготавливались дома. Отец был в душе очень привязан к родине, иногда напевал песни, и на его глаза навертывались слезы. Но в повседневной жизни никогда он нам не объяснял «там то делается, там так делается» или что-то в этом роде. Он нас старался посвятить не в обычаи и традиции, а объяснял, какова действительность. И в «Воспоминаниях» он поступает точно так же. Однако он в повседневной жизни оставался верен многим родным обычаям. А мама, предки которой со стороны отца были ногайцами, а со стороны матери – крымскими татарами, постоянно нам объясняла обычаи и традиции своих родных, проживающих в Румынии. Поэтому я привыкла думать, что привычки отца – это его собственные, личные особенности, не более того. Теперь я понимаю, что отец нашел способ свою неизбывную тоску по родине в какой-то мере удовлетворять сохранением обычаев, привычных ему с детства. Кроме того, после 20-х годов, в течение двадцати лет лишенный семейной жизни, он образовал для себя некий культурный островок. Они частенько спорили с мамой, и в большинстве случаев этот спор возникал из-за различий в бытовых обычаях, которым они смолоду следовали, так как они были выходцами из разных культурных сред тюркского мира. Например, то, что отец ел конину и колбасу из конского мяса – «*каҗы*» – для матери не было привычным явлением. Правда, отец мамы, как ногаец, тоже якобы изредка потреблял

«*Каҗы*». Но среди родственников, продолжавших традиции крымских татар, потребление «*Каҗы*» не может быть встречено с одобрением. Однажды кто-то из знакомых принес конину, на что мама отреагировала отрицательно, считая, что такая пища не может пойти на пользу здоровью. И была, несомненно, права. Но отец перевел проблему в плоскость межплеменных отношений, сказав: «Брось эти привычки крымских татар», – чем немало нас, детей, позабавил. И после этого эпизода отец при случае не отказывался ни от конины, ни от «*Каҗы*». В ходе всех этих дискуссий по поводу здоровья, племенных различий и мы не преминули попробовать и конину, и знаменитое в тюркском мире «*Каҗы*».

В это время отец иногда брал в руки курай и наигрывал или пел народные песни. Он тяжело пережил смерть своего самого близкого друга и земляка Галимзяна Тагана, умершего в 1948 году в Гамбурге, выехал в горы Болу, напоминавшие, по его словам, Уральские горы, пел там народные песни, любимые другом, не пытаясь сдерживать слез. Позже я не обращала особого внимания на то, играет отец временами на курае или нет. Не знаю также, что стало с его инструментом. Зимой 1990 года в Башкортостане нам показали документальный фильм об отце. И мне трудно было удержаться от слез, когда в конце фильма я узнала мелодию, которую отец часто наигрывал на курае. У режиссера фильма Амира Абдразакова я спросила, что это за мелодия. Он объяснил мне, что это башкирская народная песня «Илсе Гайса», то есть песня об изгнаннике, мечтающем вернуться домой и высечь на скалах Уральских гор историю. И только тогда я поняла, почему отец после 1957 года, когда мы построили себе дом, перестал играть на своем курае. Он, ничего нам не объяснив, не стал брать в руки свой инструмент.

Следовательно, вместе с тоской по родине в его душе жила и надежда, что он сможет увидеть родину еще раз. Но, потеряв надежду, он отстранил от себя и тоску. В это время он стал обращать больше внимания на подготовку учеников и в 1960-1970-е годы уделял много времени определению научных направлений, по которым нужно было готовить последователей.

Розалия Султангареева, работающая научным исследователем на отделении языка и фольклора в Институте истории, языка и литературы в Уфе, на торжествах, посвященных отцу, в 1990 году спела одну песню. Она обладает исключительным дарованием исполнительницы. Перед тем, как исполнить песню, она поведала о том, как записала ее в 1988 году. По преданию, эта песня родилась в Баймакском районе после пребывания там отца со своими войсками. Отец очень любил музыку, поэтому повелел, чтобы в каждой воинской части были свои кураисты и певцы. Существуют два варианта легенды о возникновении песни. По одному варианту, якобы песня сочинена им самим. По другому варианту, автор песни – народ. Отличие *моң* (песни) и *көй* у башкир, как мне объясняли, определяется тем, что песня имеет автора, а *көй* – плод творчества самого народа. Когда исполнялся этот *көй*, отец со своими сподвижниками был гостем в доме одного очень уважаемого почтенного человека. Этот человек позже научил сына исполнять эту мелодию, а сын передал это своеобразное наследие своей дочери Асме Вахитовой. Розалия Султангареева с волнением рассказала о том, что простые люди в то время, «когда имя Заки Валиди страшно было произносить вслух», сохранили эту песню, тайно передавая ее из уст в уста. Слушая этот рассказ, я думала о том, насколько могут отличаться друг от друга официальное понимание истории и историческое сознание народа, передаваемое от поколения к поколению, и насколько последнее

бывает ближе к действительности. Официальные исторические взгляды подвержены слишком быстрым изменениям, кроме того, иногда отдельные события могут и замалчиваться. Мы, историки, придавая большое значение написанному в книгах, оставляем, однако, без внимания воззрения, бытующие в семье, и теряем их безвозвратно. Мы обязаны изучить и те следы истории, что живут в сознании народа, сохранить их, объективно описать.

После вышеописанного случая я стала у наших друзей, приезжающих из Башкортостана, спрашивать: «Когда Вы впервые услышали имя Заки Валиди?» Естественно, мне хотелось узнать также, когда и как стало меняться их мнение об отце. Первый раз я задала этот вопрос Амиру Юлдашбаеву, который начал переводить произведения отца на башкирский язык. Он рассказал, что имя Валидова впервые услышал где-то вне дома и, придя домой, спросил отца: «Кто такой Валидов?» Отец же ему ответил: «Это один учитель. Во время революции собрал отряд, чтобы не отдать башкирские земли Советской власти».

Вначале в турецких, затем в английских книгах я прочитала, что отец, как руководитель башкирского национального движения, снискал широкую известность. С одним из авторов, профессором Гарвардского университета Ричардом Пайпсом, даже вступила в переписку и в своих письмах выразила мысль, что хотя книга по времени написания и достаточно близка к происходившим событиям, однако в описанном Валидове я не узнаю своего отца, так мне хорошо известного по дому.

Между тем рассказ отца Амира Юлдашбаева, выходца из деревни Хайбуллинского района, вполне соответствовал тому образу моего отца, который сформировался у меня в семье. Особенно важно было то, что эти слова были сказаны жителем деревни. Деревенский

башкир, простой представитель того народа, который так любил мой отец, помнил его как учителя, и это было преисполнено глубокого смысла. И действительно, в сущности своей он был учителем. Как-то мама спросила его: «Дорогой, ты так часто вспоминаешь свою родину, если бы вернулся сейчас, назначили бы тебя главой правительства?» На что отец ответил: «Нет, Назмия, если бы я вернулся, жил бы в своей деревне и учительствовал».

Эту статью я писала в штате Юта США, куда была приглашена для чтения лекций в университете. Отправляясь в путь, я никак не предполагала, что и здесь «встречусь» с отцом. Статью для сборника, издаваемого к 24-летию со дня смерти отца, нужно было подготовить как можно быстрее. Об этих своих заботах я рассказала руководителю научного центра Среднего Запада профессору Лунсу Гиффену, на что он ответил: «Знаете, я ведь присутствовал на похоронах Вашего отца. Я пришел с визитом к ныне покойному Муаммеру Озергину, он сказал, что сегодня состоятся похороны Тогана. Я отправился на похороны. Присутствовал я и на похоронах Фуата Кёпрюлю, где Ваш отец с большим волнением произнес прощальную речь. Мне удалось запечатлеть этот момент на фотопленке». На следующий день он принес слайды, где были запечатлены сцены из похорон Фуата Кёпрюлю в их семейном мавзолее. Фотослайды, запечатлевшие отца в момент его выступления с прощальным словом, хорошо выражают его теплые чувства к этому великому ученому и человеку. Фуат Кёпрюлю сыграл очень важную роль в переезде отца в Турцию в 1925 году. Отец очень любил его и посвятил ему свою книгу, и по выражению лица отца можно понять чувства, которые он испытывал к этому человеку. Мне давно не приходилось встречать досель неизвестные мне фотографии отца, которые так живо отражали бы испытываемые им чувства. Я объяснила профессору Гиффену, что

если бы он смог предоставить мне их копии, я смогла бы их отправить в Башкортостан для открываемого там музея, посвященного жизни и творчеству отца.

Музей построен в Ишимбайском районе, в родной деревне отца Кузяново, на том месте, где стоял дом деда. Облик дома и внутренняя обстановка восстанавливаются по рассказам 88-летней родной сестры отца Сара-апай. В музей будут посланы и другие найденные в Юте фотографии отца. Эти фотографии запечатлели моего отца в 1957 году в доме Салахеддина Эртюрка в Нью-Йорке. В то время отец по приглашению профессора Эдварда Аллворта (подготовившего несколько ученых из представителей Средней Азии) читал лекции в Колумбийском университете. В это же время в Америке Салахеддин Эртюрк готовил свою докторскую диссертацию по философии педагогики, и они часто встречались. Сын Салахеддина Эртюрка Коркут Эртюрк, профессор экономики университета Юта, является ныне моим коллегой по Средневосточному техническому университету в Анкаре. Сестра Коркут-бея Якын Эртюрк рассказала обо мне своей матери, и она, поняв наше желание иметь эти фотографии, выслала нам слайды. Поступление этих фотографий из семейного архива Эртюрок побудило меня начать новое дело, ранее не приходившее мне в голову: собрать те фотографии отца, которые отсутствуют в наших семейных альбомах. Поэтому я и попросила копии слайдов у доктора Гиффена. Сейчас в музее, выстроенном в родной деревне отца, появляется возможность при помощи различных собранных материалов как можно полнее представить жизнь и деятельность в окружении друзей, учеников, близких.

Действительно, дороги открылись, и мы, с одной стороны, получили возможность, представить молодые годы столь близкого нашему сердцу отца в той среде, где он вырос, с другой стороны, с

благодарностью вспоминаем его в Турции, Стамбуле, где он провел половину своей жизни, подготовил учеников, написал большинство своих трудов, построил счастливую семью и вспоминаем его в обществе «Турецкий очаг», членом которого он стал сразу после своего приезда в эту страну, имел счастье быть коллегой покойного Хамдуллаха Субхи Танрыовера. Я желаю, чтобы моего отца и на том свете не оставляла милость божья.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 98-103.

9. Тургут Узташкын³⁷

Заки Валиди как государственный деятель

Молодежь, готовившая конференцию³⁸, посвященную 24-летию со дня смерти Заки Валиди, решила издать в его память книжку, и меня попросили написать статью о дорогом нашем учителе как о государственном деятеле.

Чтобы о человеке, вошедшим в историю как «основатель государства» и как «государственный человек», написать как о государственном деятеле, следовало бы провести обширные научные исследования, и это было бы нелегким делом. Однако в рамках этой небольшой статьи я ограничусь тем, что своим читателям постараюсь объяснить лишь основные краеугольные моменты продолжительной, славной деятельности этого неугомимого борца.

Заки Валиди-бей как историк и исследователь всю жизнь в своем

³⁷ Тургут Узташкын – турецкий ученый, ученик З. Валиди.

³⁸ Inmeuyen Bayrak. A. Zeki Velidi Togan. Istanbul, 1994. S. 59-86 (Речь идет о конференции в Сельджукском университете в г. Конье, упомянутой выше в статье проф. И.Тоган.)

сердце носил невыносимую боль восточных тюрков, в течение веков лишенных собственной государственности. Ввиду этого он всю свою жизнь посвятил «огосударствлению» восточных тюрков.

Заки Валиди-бей, вне всякого сомнения, очень хорошо знал, какие условия необходимы для построения государства. Начав это дело, он с большим вниманием собрал вокруг себя кадры, обладающие современным образованием, создал ядро для армии планируемого башкирского государства и при ведении переговоров с Лениным о независимости очень хорошо этими факторами пользовался³⁹.

Тем не менее, мы знаем, что, несмотря на все это, Заки Валиди-бей дважды потерпел полное поражение в двух своих попытках создать государство. Первая из них – проект автономного Башкортостана. Правительство было сформировано, достаточно качественные интеллигентные кадры провели организационные меры, которые могли бы способствовать началу решения основных проблем создаваемого государства. В первую очередь они в свои руки взяли золотые рудники, все другие рудники, заводы и фабрики, пришедшие в упадок в годы революций, они были пущены в ход и доведены до состояния своей обычной производительности. Почта и система связи приведены в надежное рабочее состояние. В качестве военного министра Заки Валиди для подчиненных себе национальных войск открыл военные учебные школы и полигоны. Долго сумел противостоять натиску с востока генералов, оставшихся верными царскому режиму, и их союзников. Когда надежды достижения соглашения с союзниками не осталось, под их давлением с тыла он был вынужден принять предложение, исходившее от Ленина. На основе принципов, объявленных Лениным всему миру (право на

³⁹ «Валидов для Уральского края действительно крупная фигура» (Ленин) З. Валиди Тоган. «Воспоминания». Уфа, кн. 1. 1994. С. 353.

отделение от России), Заки Валиди добился подписания соглашения о «широкой автономии». Этот счастливый период продолжительностью в 14 месяцев длился до момента достижения коммунистами мирного договора на польском фронте.

После этих дней Ленин достигнутое с башкирами соглашение оценит как «клочок бумаги» и объявит его потерявшим силу. Когда и татарские интеллигенты во главе с М. Султангалиевым займут место в окружении Ленина, Валиди решает фронт борьбы перенести в Большой Туркестан.

Как он пришел к этому решению, объясняет следующим образом: «Спустя несколько дней после возвращения с Южного фронта мне позвонила секретарь Ленина и предупредила: «Владимир Ильич хотел встретиться с вами». В назначенное время я был в кабинете Ленина. Ленин сообщил, что для II съезда Коминтерна, который откроется на днях, он подготовил «Тезисы по национальному и колониальному вопросам», и попросил меня как можно скорее набросать по ним свои соображения. «Когда я прочитаю Ваши ответы, мы с Вами снова встретимся», – добавил он. Тезисы эти, включенные в собрание сочинений Ленина, состояли из двенадцати пунктов. Мы читали их вместе с моими туркестанскими единомышленниками. Мне пришлось внести в тезисы некоторые поправки, особенно в 5, 11 и 12-е пункты, и добавить еще пару пунктов от себя. ... но его взгляды ни на йоту не сблизились с моими, ни одно из наших предложений не было принято. Таким образом, я из собственных уст Ленина услышал: центр будет и впредь опираться в прежних колониях на представителей русского пролетариата, мы же будем пользоваться доверием в той мере, в какой проявим лояльность и верность их «руководству»; недоверие к нам сохранится и после победы социализма в пределах России, даже после утверждения социализма во всем мире народы

бывших восточных колоний не обойдутся без «руководства» со стороны рабочих..., что рабочий класс угнетенных наций Востока, ставших на путь строительства социализма, никогда не будет пользоваться доверием русских коммунистов.

Это открытие тоже поставило нас перед необходимостью начать против Советов серьезную и открытую борьбу»⁴⁰.

Вторая попытка Заки Валиди-бея – подготовка к освобождению Большого Туркестана, включающего в себя и Казахстан и Башкортостан.

Уехав в Туркестан с этим решением, он в своем письме в Москву, адресованном знакомым членам Центрального Комитета русской коммунистической партии, о Сталине пишет: «Есть товарищи, предупреждающие, что появляется коварный, лицемерный диктатор, бесчестно играющий человеческими судьбами, попирающий чужую волю. Я опасаюсь, что может наступить день, когда и ваши головы полетят с плеч. Я не стал ждать, когда мне отрубят голову. Если суждено погибнуть, пусть это случится в открытом бою»⁴¹.

Он знал, что модель государственного устройства или режима, не соответствующая национальным нормам и нравам дорогих ему среднеазиатских тюрков, не достигнет успеха и не сможет существовать. Потому своим главным делом он считал достижение общей согласованности о фундаменте создаваемого государства. Его не отвращала от дела и необходимость в разных обличьях днями и неделями путешествовать от Урала до Алтая, от северной тундры до Ирано-Афганских границ, в бескрайних просторах страны тюрков то верхом на коне, то в товарных вагонах. Несколько лет назад на этих землях он занимался научными изысканиями и обрел верных, внимательных друзей. А теперь нашел и их, объяснил им проблему. В

⁴⁰ З. Валиди Тоган. «Воспоминания». Уфа, кн. 1, 1994. С. 373-374.

⁴¹ Там же. С. 20.

каждой округе беседовал с интеллигенцией, спланировал ее. У него были друзья среди казахов, киргизов, узбеков, таджиков, туркмен и азербайджанцев. Всех привлек к революционным преобразованиям. Различные политические фракции сумел убедить подписать общее «Программное заявление» из семи пунктов. Принятием этой программы все части Большого Туркестана и вся его интеллигенция под эгидой «Туркестанского национального объединения» заключили союз ради достижения следующих целей:

1. Туркестан должен быть независимым, и судьба страны должна находиться в руках туркестанцев.

2. Форма управления в независимом Туркестане должна быть демократической республикой.

3. Достижение и сохранение независимости возможно при наличии национальной армии; национальное правительство должно опираться на национальную армию.

4. Независимость Туркестана возможна лишь при экономической независимости. Решение таких фундаментальных проблем, как определение общих путей экономического развития Туркестана, установление того, каким отраслям промышленности и сельского хозяйства должны быть предоставлены предпочтения, определение направлений строящихся железных дорог и русла оросительных каналов будет находиться в руках самих туркестанцев.

5. Будут предприняты меры по развитию современных систем национального образования, организации частных школ и по установлению прямой связи с Европейской цивилизацией (помимо русской культуры).

6. Национальные проблемы и задачи использования природных источников государства будут решаться, исходя из пропорционального соотношения численности населения народов.

7. Поставлена цель добиться полной самостоятельности в религиозных делах и отделения государственных дел от религиозных.

Заки Валиди-бей, обладая острым умом, широкой культурой, глубоким пониманием азиатских и мировых проблем, честностью, правдивостью, смелостью, прямоотой, неуступчивостью, вызывал чувство уважения даже у своих врагов. Вступая в сотрудничество с людьми, с которыми, на первый взгляд, вообще невозможно иметь никакого дела, он мог решать самые запутанные проблемы. Ленин о нем сказал: «Валидов для Уральского края действительно крупная фигура». На его языке это означало: «позже нужно будет от него избавиться», – так и получилось.

Главная цель его деятельности в Туркестане состояла в том, чтобы среди интеллигенции и влиятельных семей внедрить прочное понятие о независимости Туркестана. Как мы уже сказали выше, в этом деле он достиг успеха. Неумоимо собирая интеллигентов как правого, так и левого толка, деловых людей и духовенство на общие собрания, не уставая повторять эти идеи и стал причиной возникновения и укрепления между ними связей, доверия и дружбы. Он создал условия для того, чтобы молодежь и интеллигенция, желающие заниматься политикой, сорганизовались в две партии, в одной из которых объединились вокруг социалистической, а в другой – либеральной программы.

Организованная в 1917 году одним из давних друзей З. Валиди, известным писателем и поэтом, интеллигентом, националистом, Алиханом Букейхановым партия «Алаш Орда»⁴² руководствовалась

⁴² «Алаш Орда» является первой национальной партией, созданной Российскими тюрками. Эта партия стала силовым мотором казахского движения за независимость. Более того, первое независимое казахское правительство вошло в историю как «Алаш-Ордынское правительство». Созданная казахами и обеспеченная кадрами эта партия в 1917 году была организована известным казахским интеллигентом Алиханом Букейхановым. До этого тюркские интеллигенты, стремящиеся заниматься политикой, входили в одну из партий, организованных русскими, и там занимались политикой. Основатель партии Алихан Букейханов – потомок Чингизхана и внук очень известного в XVIII веке казахского хана Барака. Алихан Букейханов родился в 1869 году, после

национально-революционной программой. То, что на принятые руководимым Заки Валиди Туркестанским национальным объединением две партийные программы решающее влияние оказывали взгляды самого Заки Валиди, вполне очевидно. Одна из них – партия «Эрк» с социалистической программой, а другая – прогрессистская, джадидистская партия с либеральной программой. Программы обеих партий содержат в себе основополагающие цели, отвечающие интересам всего народа. Для того чтобы иметь полное представление о проектируемом Заки Валиди самостоятельном «Государственном устройстве», мы приведем ниже для сравнения программы обеих партий:

Партия «Эрк»

Статья 1. В сфере экономики: основой осуществления социализма будет передача в ведение государства земли, водных ресурсов и полезных ископаемых, больших каналов и коллективизация села.

Статья 2. Как в промышленно развитых государствах, организации рабочих в плановом порядке будут использованы в местных организационных делах Туркестана. Туркестанскому чернорабочему и дехканину, обрабатывающему землю, будет предоставлено право иметь свои собственные общественные

учебы в медресе продолжил свое образование в русских учебных заведениях и в 1894 году окончил высший лесной институт, служил в различных учреждениях, публиковал статьи в русских газетах, выходивших в Омске, был главным редактором, в 1913 году в Оренбурге начал выпускать газету «Казах», которая просуществовала до 1917 года. Его бросили в тюрьму за то, что он защищал революционные фракции, а в 1916 году в связи с избранием депутатом он был освобожден из тюрьмы и в Государственной Думе занимался активной политической деятельностью. В начале он к тюркизму относился прохладно, однако после революции 1917 года (в конце 1917 года) на Казахском национальном съезде объявил, что полностью порывает свои связи с русскими партиями. После этого времени он в масштабе всего Туркестана стал одним из национальных лидеров. Сегодня «Алаш Орда» для всей молодежи Средней Азии стала символом полной независимости.

организации.

Статья 3. Будет достигнуто освобождение Туркестана от колонизаторов и полное его самоуправление. Это создаст самые важные условия для углубления классового расслоения в Туркестане и позволит развиваться крестьянам до такого уровня, чтобы они могли сами бороться за свои права.

Статья 4. В свободном Туркестане будет создана демократическая система, которая должна обеспечить условия для беспрепятственной деятельности класса крестьянства и других сторонников реформ. Парламент Туркестана, губернские и городские Советы будут формироваться на основе всеобщих выборов.

Статья 5. Для организации государственного управления и установления социализма будут созданы национальные войска.

Статья 6. В Туркестане вопросы о национальных и иных меньшинствах будут решаться, исходя из их численности, особыми отделами.

Статья 7. Дела просвещения будут сосредоточены в руках государственных органов местного самоуправления. Системы связи – железные дороги, почта и телеграф, а также предприятия переработки сельскохозяйственной продукции и промышленные предприятия будут в ведении национального правительства. В сфере культуры будут приняты меры, направленные на создание мощной национальной культуры, свободной от влияния чужеземцев (т. е. русских). Основу сферы просвещения составит деятельность по открытию школ, в том числе профессиональных. Все без исключения будут охвачены учебой.

Статья 8. Религиозный вопрос будет окончательно отделен от светских и государственных дел.

Статья 9. В будущем социалисты Туркестана войдут в состав

какого-либо Интернационала, признающего для себя основополагающим, наряду с защитой интересов эксплуатируемых классов, также и принцип отстаивания прав угнетенных народов⁴³.

Важные замечания:

В 9-й статье вышеприведенной программы Туркестанской социалистической партии «Эрк» разъясняется, в какого свойства Интернационал может она войти. Это свойство определено следующим образом: он должен «признать для себя основополагающим, наряду с защитой интересов эксплуатируемых классов, также и принцип отстаивания прав угнетенных народов». Причина включения в программу этой статьи заключается в неприятии принципов, предложенных Лениным в виде 12 пунктов съезду III Интернационала и закрепленных там в качестве решения.

Как видно из ссылки, которую мы выше привели по «Воспоминаниям» Заки Валиди-бея, «рабочие колониальных стран (по современному выражению, «слаборазвитых стран») будут зависимы от пролетариата Европы (по современному выражению, «развитых стран»). То есть судьба колоний никак не изменится. В первую очередь марксисты тюркского происхождения во главе с известным татарским коммунистом Султангалиевым выступили против этих принципов. Султангалиев против этих принципов Ленина выдвинул идею о создании «Интернационала угнетенных». Он сказал: «В результате всего этого мы получили возможность понять очень простую реальность. Социалистическая революция без участия Востока в корне не сможет добиться успеха. Европейский империализм, потерявший Индию, Афганистан и Иран и изгнанный из колоний, развалится и исчезнет, умерев естественной смертью»⁴⁴.

Султангалиев и его товарищи, видевшие, что западные

⁴³ З. Валиди Тоган. «Воспоминания». Уфа, кн. 2, 1998. С. 53-54.

⁴⁴ Sultan Galiyev ve Sovyet Muslumanlari (A. Beningson – Ch. Quelquejay) Hur. Y. syf:87.

руководители, организовавшие русскую коммунистическую партию и Коминтерн, недостаточно глубоко понимают проблемы Востока, через некоторое время создали отдельную мусульманскую коммунистическую организацию и руководство революционным движением в колониях передали этой организации. Эта организация проводила в жизнь чрезвычайно действенную программу деятельности. Султангалиев всем постоянно интересовался самолично. «Когда в 1916 году я встретил Султангалиева, он предложил нам, немедленно отделившись от русских Коммунистических организаций, все еще остающихся шовинистическими и империалистическими, организовать собственную независимую Восточную Коммунистическую партию» (татарский коммунист Губайдуллин)⁴⁵.

И мы сегодня видим, что такой интерес оказал влияние и на программу Туркестанской социалистической партии и даже на процесс формирования личности лидеров сегодняшней Средней Азии.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 104-110.

10. Воспоминания украинского друга ученого

Это интервью с профессором Гарвардского университета Омельяном Иосиповичем Прицаком мне удалось взять весной 1997 года в Киеве, где знаменитый ориенталист руководит институтом востоковедения Украинской Академии наук.

Амир Юлдашбаев: Дорогой Омельян Иосипович, в Башкортостане мы Вас знаем как востоковеда с мировым именем. Правда, Ваши труды в советское время были малодоступны нашим

⁴⁵ А. г. е. Syf:91.

ученым, малодоступны они и сейчас, так как у нас и сейчас не так просто получить литературу из Европы и Америки. Мы знаем также, что Вы были близким другом А.-З. Валиди Тогана и были бы очень благодарны, если бы Вы смогли рассказать нам о себе, о Вашем знакомстве с Заки Валиди.

Омельян Прицак: Сам я родился на львовщине, учился в гимназии во Львове и смолоду, с 30-х годов, начал интересоваться востоковедением. После оккупации Западной Украины Советским Союзом я приехал в Киев и познакомился с нашим выдающимся востоковедом А.Ю. Крымским. Благодаря этому знакомству мой интерес к Востоку возрос. К тому времени началась война и я был призван в Советскую Армию. В качестве солдата судьба меня забрасывала во многие места, в том числе и в Башкирию. Был я там в Уфе и Стерлитамаке.

Амир Ю.: Тогда Вам было известно имя востоковеда Заки Валиди? Ведь в то время в кругах ученых востоковедов о нахождении Валидовым и Мешхедской рукописи Ибн Фадлана было известно.

Омельян П.: Да, Крымский еще до начала войны как-то говорил об открытии неким Валидовым рукописи Ибн Фадлана, о том, что фотокопия рукописи получена Академией наук из Ирана, переведена и подготовлена к изданию под руководством академика И.Ю. Крачковского. Правда, это дело имело и некоторые драматические подробности, но о них я узнал позже и остановлюсь на них ниже.

Так вот, в Стерлитамаке люди, хорошо знавшие Заки Валиди, спрашивали меня о нем. Тогда я мог лишь сказать, что он преподает в Турции.

Что касается меня, то через некоторое время я попал на фронт и вскоре – в плен к немцам. Из-за знания немецкого языка мне удалось

освободиться от положения военнопленного, и я стал заниматься наукой в Берлине. Но непрерывные дневные бомбежки англичан и ночные – американцев вынудили нас уехать на запад Германии. Я обосновался в Гамбурге и занимался историей Караханидов, написал и защитил после войны докторскую диссертацию.

А вокруг Мешхедской рукописи Ибн Фадлана происходило вот что. Как Вам известно, Заки Валиди о своем открытии, как и подобает настоящему ученому, сразу сообщил в Петербургскую Академию наук и известил Европу. Если в Европе находка вызвала огромный научный интерес, то в СССР, где правили большевики, существовала и политическая сторона вопроса. Прежде всего их не устраивал первооткрыватель. Советское правительство подарило фотокопию великолепной рукописи с прекрасными миниатюрами «Шахнаме» Фирдоуси, хранящейся в Петербурге, Иранскому Шахиншаху. На вопрос с иранской стороны, чем они могли бы ответить на этот поистине царственный подарок, российская сторона ответила, что желали бы получить фотокопию «Мешхедской рукописи», где, как Вам известно, кроме «Путевых заметок Ибн Фадлана», содержались важные труды географа Ибн аль Факиха и другого путешественника Абдулафа. Советское руководство желало перевести и издать Ибн Фадлана раньше, чем это сделают на Западе. Дело это было поручено востоковеду И.Ю. Крачковскому. А Игнатий Юлианович убедил руководство в том, что над переводом должен работать арабист Ковалевский (украинец, работавший в Харьковском университете), сидевший в то время в застенках ЧК. По просьбе И.Ю. Крачковского А.П. Ковалевский был переведен в Петербург, днем он переводил путевые заметки Ибн Фадлана, а на ночь его уводили в тюрьму. В эти же годы в Вене, а затем в Бонне над своей книгой «Путевые заметки Ибн Фадлана» работал и Заки Валиди, и она вышла

в Лейпциге в 1939 году на 2-3 месяца раньше книги под редакцией академика И.Ю. Крачковского. В предисловии издания Игнатий Юлианович благодарит своего друга за помощь в переводе, не называя его имени. По тем временам публичное выражение благодарности человеку, находящемуся в заключении по политическим мотивам – большое мужество, сами понимаете. Но благодарить Заки Валиди за столь великое открытие он не мог. Советские ученые могли его только ругать. А книга Заки Валиди «Путевые заметки Ибн Фадлана» стала классикой востоковедения, она в науке занимает особое место. Заки Валиди ни при каких обстоятельствах не прекращал свои научные занятия, война ли, неурядицы ли в личной судьбе, их было тоже много, он работал. То же самое и в Мешхеде. Прибыв из Туркестана, где он руководил национальным движением, он тотчас приступил к изучению библиотеки имама Равза, куда не могла ступить нога немусульманина. То есть ученому, владеющему европейским научным кругозором и методологией, если он не мусульманин, доступа в хранилище не было. А среди мусульман людей, владеющих и языками, и европейским научным кругозором, способных безошибочно оценить любую рукопись на фарси, арабском и тюркском языках, сами понимаете, тогда было очень и очень мало. Ведь речь идет о более чем тысячелетней культуре и истории огромного региона, множества народов и государств.

Амир Ю.: Омелян Йосипович, а когда Вы лично познакомились с Заки Валиди?

Омелян П.: Это произошло в 1951 году в Стамбуле, где впервые очередной Всемирный востоковедческий конгресс состоялся в самой Азии. Я туда прибыл из Гамбурга в составе немецкой делегации. Это был для востоковедческой науки очень важный

конгресс. Председательствовал на нем к тому времени всемирно известный профессор Заки Валиди Тоган. На открытии выступал также крупнейший востоковед Турции профессор Фуат Кёпрюлю. Он в то время был министром иностранных дел Турции.

Между заседаниями мы, немецкая делегация, подошли к Заки Валиди. Естественно, долго работавший в Германии, в Боннском и Геттингенском университетах, он отнесся к нам очень внимательно. Когда я рассказал ему о том, что родом с Украины, в начале сороковых годов был в Стерлитамаке и один человек (тогда я еще помнил его имя и назвал его) спросил о нем, Заки Валиди вспомнил этого человека.

В то время я был еще приват-доцентом Гамбургского университета и оклад у меня был небольшой. Таких, как я, в составе немецкой делегации было несколько человек. Мы хотели остаться в Турции на несколько недель и заниматься в библиотеках, но собственных денег у нас для этого не хватало. Узнав об этом, Заки-бей нашел некий пансионат для девушек, учащиеся которого в это время были на каникулах, и мы после окончания Конгресса несколько недель хорошо поработали, не зная денежных забот. Вообще Заки Валиди людям, желающим работать, охотно помогал.

Амир Ю.: Омельян Йосипович, Вы долго и близко общались с Заки Валиди? Как бы Вы его охарактеризовали как человека?

Омельян П.: Заки Валиди был человек дела, подвижный, энергичный. Иногда, когда у него было плохое настроение, бывал резковат, бывал и веселым. Доверял людям. Например, в его библиотеке есть множество редких, для специалиста бесценных книг. Не всякий ученый будет уходить куда-то надолго, на работу, например, оставив другого ученого в своей библиотеке. Но он того, кому доверял, оставлял. Я сам так работал в его библиотеке. Но это

отношение тотчас прекращалось, если человек его доверие чем-либо не оправдывал. В семье он был человеком строгим. Работал много.

У него был автомобиль. Я боялся ездить с ним в его автомобиле, так как он дорожных правил особо не придерживался. Теперь удивляюсь, каким образом на этой почве с ним ничего не случилось. Правда, при его появлении за рулем и полицейские, и другие водители, таксисты становились очень осторожными. К тому же тогда на улицах Турции такого количества транспорта, как сейчас, не было.

Вы знаете, что и среди ученых бывают разные, крупные и мелкие, интриги. Заки Валиди не интриговал. Против него интриговали. Он хотел открыть институт по всеобщей тюркской истории, получить для этого финансирование. Ничего не вышло. Интриговали против него и некоторые татары, так как они его считали изменником общетюркского движения в России во время революций. Но это неверно. Конечно, Заки Валиди хотел, чтобы Башкирия была ближе к Казахстану, Туркестану. Но Казань, где он получил образование, очень любил. Высоко ценил татарских ученых, Шигабеддина Марджани в особенности. Жилось ему долгое время трудно. Из-за некоторых политических причин в 1931 году был вынужден уехать из Турции. И потом у него были проблемы.

Самой характерной чертой Заки Валиди было то, что он ни перед кем не испытывал чувства неполноценности. С любым из известных людей он общался на равных и хотел, чтобы так чувствовали себя все его соплеменники и сородичи. Хотел, чтобы история Востока была написана не с европоцентристских позиций и хотел подготовить тюркских ученых, которые чувствовали бы себя на равных с европейцами.

Амир Ю.: Омельян Йосипович, когда и где Вы встречались с Заки Валиди позже?

Омельян П.: Встречались мы с ним многократно на различных международных научных конференциях. В том числе в Дели, где по приглашению премьер-министра Индии Джавахарлала Неру принимали участие на международной научной конференции. Были у Неру на приеме. У меня должны сохраниться и фотографии, но все это в Америке. Встречались в Америке, куда я по приглашению Гарвардского университета позже переехал, а Заки Валиди приезжал читать лекции по приглашению американских университетов. Я многократно бывал у него дома в Стамбуле, в Кючюкъялы. Обсуждали самые различные научные проблемы. Он всегда твердо стоял на собственной точке зрения, и чтобы его переубедить, требовались очень серьезные аргументы. Но при наличии таковых все же его можно было и переубедить.

Амир Ю.: А по каким научным проблемам и направлениям ваши исследования и интересы соприкасались?

Омельян П.: По очень многим. Перечислять пришлось бы долго. Но я отмечу те, что связаны с Вашей и Заки-бея общей родиной. Меня интересовали и интересуют проблемы древних болгар, влияние на них кипчакских племен. В этой связи я изучал чувашский, татарский, башкирский языки. Очевидно, что в этом плане более интересного собеседника, чем Заки Валиди, трудно представить. Нас обоих очень интересовала история эфталитов, хазар, христиан-тюрок. Часто помогали друг другу. Я неоднократно обращался к нему с такого рода вопросами: есть ли в той или иной библиотеке той или иной азиатской страны та или иная рукопись или иной редкий источник и почти всегда получал ответ, который избавлял меня от напрасных поисков или помогал быстро найти нужный источник. Только серьезный исследователь знает цену таких дружеских услуг. Вместе с тем в его многочисленных записях иногда бывали неточности, например, при

списывании шифра источников. Скажем, буква не та или цифры недостает. Но это уже мелочи. Он сам извинялся за такие погрешности.

Между прочим, я имел научную переписку и с башкирским ученым Джалилем Киекбаевым, пользовался трудами филолога Ахнафа Юлдашева. Труды по языкознанию меня интересуют в связи с проблемами изучения болгаро-кипчакских отношений. С этой целью я изучал и чувашский язык. Меня очень интересуют шежере, знаю книгу Кузеева «Башкирские шежере».

Амир Ю.: Омелян Йосипович, меня специально послали в Киев, чтобы пригласить Вас на международный тюркологический конгресс, который состоится 9-14 июня в Уфе. На одной из секций состоятся третьи Валидовские чтения.

Омелян П.: Я испытываю огромное желание поехать к вам. Но только вот приехали из Звенигородки, где мы под эгидой ЮНЕСКО провели международную конференцию, посвященную моему учителю А. Крымскому. Как Вы знаете, на эту конференцию я пригласил и Исенбике Тоган, с которой Вы здесь уже встречались. Как видите, я не юноша, малость устал. Провести конференцию везде нелегко. Но у нас еще сложнее, не Вам объяснять. Поэтому при всем желании на этот раз не смогу поехать. Да и дел накопилось. Ведь я работаю и в Гарварде, и здесь, в Киеве, руковожу институтом востоковедения Академии наук Украины.

Амир Ю.: Омелян Йосипович, а смогли бы Вы приехать к нам позже, в удобное для Вас время для выступлений в академических учреждениях и вузах перед студентами и учеными? Что было бы для республики поистине историческим событием.

Омелян П.: С удовольствием. Дай бог, чтобы это осуществилось.

Амир Ю.: Благодарю Вас, что смогли вопреки усталости уделить мне Ваше драгоценное время. Я постараюсь убедить наших академических руководителей не упустить своего шанса вписать хорошую страницу в богатую историю взаимоотношений Украины и Башкортостана.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 162-167.

11. Проф. докт. Ахмет Бижан Эрджиласун⁴⁶

Методология истории Заки Валиди Тогана

Заки Валиди обладал очень широким и многосторонним историческим кругозором. Любому тюрку, не пережившему такую судьбу, какую пережил он, было бы трудно, даже и невозможно обладать столь широкой исторической перспективой, какой обладал он. Детские и юношеские годы, прошедшие в стране башкир и татар, научная жизнь, начавшаяся в Казанском университете, последовавшие затем российские революционные движения и национально-освободительная борьба, в которой он принимал непосредственное участие изнутри и даже руководил ею в первые годы большевизма. Таким образом, он, исследователь истории, на каком-то этапе сам оказался во главе исторических событий. В дальнейшем его ждут долгие годы эмиграции в Турции, Европе. Точнее выражаясь, на своей второй родине в течение многих лет он вел научную жизнь. Биографию не одного, а трех человек могла бы вобрать в себя его судьба, которая, полная приключений, то

⁴⁶ Ахмет Бижан Эрджиласун (1943) – профессор, доктор наук, известный турецкий филолог, ныне директор ведущего филологического научно-исследовательского учреждения Турции – «Turk Dil Kurumu» (Институт турецкого языка). В 1967 году окончил литературный факультет Стамбульского университета, где прослушал курс лекций А.-З. Валиди Тогана.

возвышала его ввысь, то низвергала вниз. Изученные еще в детстве арабский, фарси и русский языки, знание всех тюркских наречий, позволяющие ему свободно общаться со всеми тюрками Идел-Уральского региона и всего Туркестана... Изучение турецкого языка на новой родине... Овладение, вслед за немецким, английским и французским языками в годы пребывания в Австрии и Германии после 1930 годов... Упорное, внимательное, непрерывное изучение всей литературы на всех доступных ему языках и неиссякаемый интерес к науке... В какой бы стране он ни был – в Туркестане, Иране, Индии, Турции, европейских государствах, неизбывный интерес к первоисточникам побуждал его тотчас идти в библиотеки и знакомиться с рукописями на арабском, фарси и тюркских языках и делать нужные записи. Именно эти качества послужили фундаментом для его становления как великого историка. Еще будучи учеником Катанова, Заки Валиди совершил экспедицию в Туркестан, исследовал там рукописи, открыл и ознакомил научный мир с ферганским экземпляром Кутадгу Билика, который позже был утрачен и вновь найден. Возможно, это открытие было первой весточкой о появлении нового великого историка. Еще с тех времен он не ограничивался публикацией книг у себя на родине, а умудрялся печатать свои труды в Москве и Стамбуле.

Именно Заки Валиди оказался тем, кто с 1917 года, пройдя огненные реки и лишь к середине 1920 годов достигнув Стамбула, прямо с дороги погрузился в сокровища богатых Стамбульских библиотек и открыл труды, написанные на хорезмийском тюркском языке, и сделал их достоянием мировой науки. Начавшийся в 1932 году австрийский период его жизни, овладение европейскими языками сыграло в его научной жизни особо важную роль. Историк Тоган, сформировавшийся вследствие всей этой личной и научной жизни,

стал ученым с редкостной эрудицией. О глубине его знаний и широте исторических воззрений мы можем судить по его трудам «Путевые заметки Ибн Фадлана» (Лейпциг, 1939), «Введение во всеобщую историю тюрков» (Стамбул, 1946), «Современный Туркестан и его недавняя история» (Стамбул, 1942-1947), «Методология исторических исследований» (Стамбул, 1950) и «Дастан об Огузе» (Стамбул, 1972). Для нас является радостным событием то, что первая важная книга Тогана – «История тюрков и татар», опубликованная им еще в 1912 году в Казани, а также при жизни не опубликованная «История башкир» в 1994 году была издана на башкирском языке. Проводимые в Башкортостане в течение нескольких лет Валидовские чтения и издание здесь переводов его книг вновь вернули ученого на родину, с которой он был разлучен на столь долгие годы. Заки Валиди является гордостью башкир, а также нас – турков и всего тюркского мира.

Исторические воззрения Тогана глубже всего выражены в его книге «Методология исторических исследований». В этой книге, разъяснив различные иные исторические воззрения и методы исторического описания, он излагает и собственные взгляды. И эти свои взгляды, изложенные в данной книге, он применяет на практике в других своих трудах. Поэтому, рассматривая его исторические воззрения, следует за основу брать «Методологию исторических исследований» и вместе с тем нельзя упускать из виду и другие его произведения. Более того, чтобы понять, как накопленные им разносторонние исторические знания и жизненный опыт позволяли правильно истолковывать советскую политику и верно предсказывать будущее, мы должны обратить внимание и на другие его труды, изданные в книге «О судьбе тюркских народов» (Стамбул, 1970).

Тоган, разделив методы исторического описания на четыре вида – повествовательную, прагматическую, генетическую (причинно-

следственную) и общественную, – сам придерживался причинно-следственного метода. В этом вопросе он следовал немецкому ученому Э. Бернхайму и считал его для себя образцом. И при определении истории как науки он следует Бернхайму, который пишет: «История представляет собой науку, которая исследует и описывает определенные пространственно-временные факты развития людей в процессе их (единичной, типичной и коллективной) деятельности как социальных существ в контексте психолого-физической причинно-следственной взаимосвязи» («Методология в исторических исследованиях», стр. 8).

Тоган далее разъясняет это определение следующим образом: историческая наука исследует и описывает процесс развития, осуществляемого людьми. Однако этот процесс развития происходит не в пустоте, а происходит на фоне определенного времени и пространства. Самое важное, существуют духовные и материальные факторы, которые и определяют события и процесс развития, осуществляемые людьми. Таким образом, между этими факторами и происходящими событиями существуют причинно-следственные связи. В действительности историческая наука, исследуя события и описывая их, обнаруживает также и эти материальные и духовные факторы и тем самым раскрывает причинно-следственные взаимосвязи. Когда Тоган пользуется термином «причина-следствие», мы должны иметь в виду, что слово «следствие» им понимается как «следствие, вызванное известными причинами». В связи с тем значением, которое Тоган придает причинно-следственным связям, он и термин «генетика» предпочитал переводить на турецкий язык как «причина-следствие». Заки Валиди придает причинно-следственным связям, обозначаемым словом «illi bagliliklar» (причинные связи), настолько большое значение, что в разделе приложений своей книги

все источники, с которыми желает ознакомить читателя, оценивает именно с этой точки зрения. В этой связи он среди всех древних исламских историков таким историкам, как Бируни, Ибн Хальдун, отводит отдельное, особое место.

Заки Валиди в определении Бернхайма усматривает один недостаток: Бернхайм недооценивал «природную историю». По мнению Тогана «история связана также с развитием людей с анатомической и физиологической точки зрения, история занимается также и происхождением рас, их смешением и даже исчезновением» («Метод в исторических исследованиях», стр. 13).

Среди различных направлений философии истории Тоган ближе всего стоит к «гуманистической интерпретации истории». Это направление, представленное Германом Лотцем, было воспринято и Бернхаймом. Тоган, не принимавший теократическую философию истории, связывающую все события с «роком», predetermined волей Тенгри, отвергал и материалистическую интерпретацию истории, связывающую все эти события лишь с материальными, природными закономерностями. Соглашаясь с тем, что способ экономического производства является очень важным фактором, он однако не приемлет идею исторического материализма, признающего этот фактор фундаментом всего. Свои взгляды он разъясняет следующим образом: «Лично я убежден, что на исторические события больше всего оказывают воздействие природные и экономические факторы и сама человеческая жизнедеятельность. Но вместе с тем я признаю, что также и духовные факторы выступают как нечто самостоятельное. В исторических исследованиях самый верный путь, оставаясь во всех отношениях полностью беспристрастным, не придерживаясь изначально какого-либо мнения, пытаться выяснить, в

каких событиях какие из факторов имели доминирующее влияние» («Метод в исторических исследованиях», стр. 145).

Другая идея, которой Заки Валиди придает такое же значение, как и понятию «причинно-следственных связей», это идея «критики». Историк должен очень хорошо оценивать источники. Источником можно воспользоваться лишь после того, как достигнута уверенность в подлинности данного документа или иного источника и надежно определена степень его ценности. Анализ источников Тоган делит на два вида: на внешнюю и внутреннюю критику. При внешнем критическом анализе выясняется, является ли источник подлинным или фальшивым; если неизвестен его автор или дата написания, то как это следует выяснить; если речь идет о рукописном произведении, сохранившемся в нескольких экземплярах, то как следует путем их сравнительного анализа получить «критически проверенный» вариант. При внутреннем критическом анализе исследователь как бы входит «внутрь» источника: заслуживает он доверия или не заслуживает, какова степень его ценности? Тоган пишет: «Судья на суде в целях выявления истины в рассматриваемом деле, сравнивая и сталкивая показания различных свидетелей, подвергает все контролю и только на этой основе выносит приговор. И историк должен аналогичным способом исследовать сведения различных источников и только после этого делать выводы» («Метод в исторических исследованиях», стр. 97).

Прежде чем будет написан исторический труд, должны быть выявлены источники, после чего эти источники подвергаются критическому анализу, а затем они интерпретируются историком и производится синтез. Точно также, как по изучаемой проблеме должны быть выявлены все источники, в равной степени должны быть выявлены, изучены и использованы все ранние исследования,

посвященные этой проблеме. С этой точки зрения Тоган ставил условие, чтобы исследователь, кроме языков основных источников, знал также три европейских языка (английский, немецкий и французский).

Масштаб и глубина знания источников, которыми обладал Заки Валиди, несравнимы со знаниями других историков. Он обладал неумемной энергией прочитывать все источники на русском, арабском, фарси, всех тюркских языках, относящиеся ко всем периодам и пространствам тюркского мира, и он ознакомился почти со всеми важными источниками, а некоторые из них знал по нескольким вариантам. А с источниками, написанными на китайском и древнегреческом языках, которыми не владел, он знакомился посредством публикаций на европейских языках. При этом он ознакомился с трудами на самых различных языках, относящимися не только к тюркской истории, а, как правило, знал также и самые значительные труды по всемирной истории.

Тоган исторические труды по содержанию делил на монографии, справочники, вводные книги, большие исследования, популярные книги и некоторые другие виды. «Историю Османского государства» Хаммера или «Историю Российского государства» Карамзина он считал образцом великого исследования. В качестве примера монографии, посвященной документальному исследованию какого-либо первоисточника, он наряду с другими трудами приводил и собственную книгу «Путевые заметки Ибн Фадлана». В монографии из 406 страниц арабский первоисточник занимает всего лишь 46 страниц, 34 страницы отведены введению, 104 страницы – критическому переводу первоисточника и 232 страницы – комментариям.

В качестве примеров книг, призванных ввести в проблему, Заки Валиди, наряду с несколькими другими образцами, приводит и свой

труд «Введение во всеобщую историю тюрков» и приложение № 4 под названием «Классификация и планы сочинения» из своей книги «Метод в исторических исследованиях» (стр. 300-311). Этот план имеет чрезвычайно важное значение еще и потому, что представляет собой план исследования всеобщей истории тюркского мира. Чтобы показать, на какие периоды Тоган делит общую историю тюрков, я привожу его ниже без изменений:

«0. Тюркские племена и их численность. Деление истории тюрков на периоды и труды, которые необходимо прочитать об этих периодах.

I. Древний период тюркской истории:

- 1) Проблема коренного населения Туркестана и тюрки.
- 2) Древнее население южного Туркестана и их соседи.
- 3) Были ли саки тюрками и Афрасиаб.
- 4) Суть понятий «тюрк» и «туран» и первое племя, носившее название «тюрк».
- 5) Политические события, происходившие на прародине в древние времена.
- 6) Общая характеристика этого древнего периода.

II. Период подъема тюркской истории в исламскую эпоху:

- 1) Главные политические события, правившие династии и известные личности этого периода.
- 2) Общая характеристика периода подъема тюрков в исламскую эпоху.

III. Завоевания тюрков и их расселение:

- 1) Завоевательные традиции тюрков.
- 2) Значение завоеваний тюрков и монгол в мировой истории.
- 3) Формы расселения тюрков и факторы, оказывавшие на них влияние.

- 4) Самое древнее расселение тюрков и туранцев.
- 5) Расселение тюрков и туранцев в сторону южной и восточной Азии.
- 6) Расселение тюрков и туранцев в сторону восточной и средней Европы.
- 7) Расселение тюрков в Передней Азии и Северной Африке.

IV. Возникновение в Передней Азии новой родины тюрков:

- 1) Сельджуки и их происхождение.
- 2) Жизнь сельджуков в Мавераннахре, переселение в Хорасан и Ирак.
- 3) Обоснование сельджуков и огузов в Азербайджане и Анатолии.
- 4) Отуречивание Азербайджана и Анатолии в эпоху сельджуков.
- 5) Правители ильханидов и княжества, возникшие вместо них.
- 6) Культурная жизнь во времена ильханидов.
- 7) Возникновение Османского государства.
- 8) Устройство Османского государства.
- 9) Западная часть Джучиева улуса и османцы.
- 10) Политическая жизнь Азербайджана во второй половине XIV века.
- 11) Культурная жизнь западных тюрков во время создания Османского государства.

V. Средняя Азия до вторжения Европы и Китая:

- 1) Узбекские ханы.
- 2) Шейбаниды в Западной Сибири.
- 3) Казахи и калмыки.
- 4) Ханы и хозяева в Кашгаре.
- 5) Борьба ногайцев и башкир с русскими.
- 6) Казанские ханы.

7) Общая характеристика этого периода.

VI. Передняя Азия до начала XVIII века:

1) Османское государство до 1579 года.

2) Сафавиды.

3) Крымское ханство и Россия.

4) Общая характеристика этого периода.

VII. Средняя Азия под управлением России и Китая.

VIII. Передняя Азия до республиканской революции.

Османцы. Ханства на Кавказе и Азербайджане и вторжение России.

IX. Средняя и Передняя Азия во времена революций.

«Введение во всеобщую историю тюрков» было задумано как труд в двух томах, но опубликован лишь первый том и в нем получили освещение пункты 0, I, II, III и IV вышеприведенного плана. Последние пять пунктов не нашли отражения в данной книге, но мы имеем основание считать, что они получили частичное отражение в книге Тогана «Современная история Туркестана и его недавнее прошлое».

Несмотря на то, что Тоган испытывал интерес ко всем периодам и проблемам истории тюркского мира, существует целый ряд тем, к которым он испытывал особый интерес и долго ими занимался. Их можно было бы отразить в следующих пунктах:

1. Тюркское происхождение саков (скифов).

Тоган в этом вопросе настойчив и выдвигает мысль о том, что правящая династия скифов была тюркского происхождения. Убитый хитростью в 624 году до нашей эры великий правитель саков (скифов) Афрасиаб не кто иной, как тюрк Алп Эр Тунгач, и совершенное им составляет основу дастана об Огуз кагане.

2. Чингиз и Тимур.

Мы могли бы сказать, что эти две личности являются «героями»

Тогана. Этих героев, изменивших направление истории не только тюрков, но всего мира, Тоган изучал долго и тщательно. Его исследования Тимура не были опубликованы в виде книги, но они записаны в качестве учебных лекций. Тоган приводит очень много доказательств тому, что Чингиз был человеком тюркского происхождения, и что монголы представляют собою родственные тюркам племена. По этой проблеме он издал небольшую книгу: «Монголы, Чингиз и тюрки» (Стамбул, 1941). Тоган в своей книге «Метод в исторических исследованиях» пишет, что подготовил к печати в виде книги труд Рашид-ад-Дина «Джамиг-ат-тауарих» как один из самых важных источников по Чингизу и чингизидам. Однако, к сожалению, этот труд не был издан.

3. Открытие морских путей.

По мнению Тогана открытие новых морских путей стало причиной развития Европы и начала отставания тюркского мира. Пути торговли шелком и пряностями, связывающие Европу и Переднюю Азию с Дальним Востоком, находились в руках тюрков, и это обстоятельство было одним из основных причин их возвышения. С открытием морских путей эти дороги потеряли свое значение, и тюркский мир в экономическом плане обеднел. Мы в данном случае ясно видим, что Тоган экономическим факторам придавал большое значение.

4. Положение сафавидов.

Создание в начале XVI века в Иране сильного государства Сафавидов, основанного на шиизме, оторвало друг от друга западных и восточных суннитских тюрков. Тоган, как и ко всем иным тюркским историческим сообществам, и к Сафавидам, вне сомнения, не испытывает чувства враждебности, а исследует их как явление, имевшее важные последствия.

5. Позднейшая история северных и восточных тюрков.

Эти темы, отчасти из-за недоступности источников игнорируемые исторической наукой Турции, восполняются исследованиями Тогана.

6. Да стан об Огузе.

Нам нужно сказать и о том, что Тоган как историк придавал особое значение дастанам как историческим источникам. В книге «Метод в исторических исследованиях» он объясняет, как можно воспользоваться дастанами как историческими источниками. Но Тоган не ограничивается этим и издает Дастан об Огузе, содержащийся в «Джамиг-ат-тауарих» на персидском языке, в качестве критически осмысленного исторического источника: «Дастан об Огузе» (Стамбул, 1972). Записи и комментарии, содержащиеся в этом труде, могут считаться образцом того, как можно установить связь между дастаном и историей и как можно воспользоваться дастаном в качестве исторического источника.

Как видно из вышеприведенного плана, Заки Валиди Тоган историю тюрков воспринимал как нечто целостное, такие политические образования как Османское, Чагатайское, Золотоордынское государства рассматривал как части единого целого. По моему мнению, Тоган, как знаток источников, как создатель, в свете этих знаний, целостного взгляда на всю историю тюркского мира и как мыслитель, определивший место истории тюрков в мировой истории, заслуживает быть признанным как наш самый великий историк.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 179-187.

II. Документы пребывания З Валиди в Германии в 30-х

22.

РАПОРТ
директора востоковедческого семинара профессора П. Кале
куратору Боннского университета о политических взглядах
и научных достижениях профессора З. Валиди

Ваше Высокоблагородие!

На основании служебного разговора с Вами от 21 октября с. г. имею честь покорнейше сообщить о профессоре Заки Валиди следующее:

Господин Заки Валиди является человеком редких способностей, достигшим в своем политическом прошлом необычайных высот. Как ученый он также должен быть причислен к самым выдающимся специалистам по своей отрасли. Со времен прошлой политической деятельности у него есть противники, которые преследовали его еще в Турции и сейчас пытаются ему навредить. Достаточно ясно, что такая попытка имеет место и в данном случае.

О политической деятельности, которой в свое время З. Валиди занимался, лучшее представление дает написанная им самим подробная записка «О моей политической деятельности в России и за рубежом». Она прилагается⁴⁷. К ней прибавляю еще статью, опубликованную им в 1930 г. в г. Будапеште под названием «Современное положение мусульман в России». Из них можно почерпнуть все существенное.

З. Валиди подал в отставку с должности Стамбульского университета в 1932 году. О ее причинах было сообщено в официальном отчете о деятельности Стамбульского филиала

⁴⁷ См.: Архив Боннского университета. Личное дело профессора А.-З. Валиди. Л. 9-19; Данная 11-страничная «Записка», написанная З. Валиди в октябре 1935 г., охватывает события с осени 1916 по 1929 гг. и представляет предельно сжатый вариант его «Воспоминаний», впервые опубликованных на турецком языке в 1969 г.

Немецкого имперского археологического института за период с 1 июля по 30 сентября 1932 года (Приложения II, с. 6-8).

Основные события развернулись на Первом Конгрессе турецких историков в Анкаре, состоявшемся 2-7 июля 1932 г. Его целью было изложение устами маститых докладчиков официальной точки зрения на историю, согласно которой турки являлись творцами всех культур древнего мира. Университетских ученых призвали откровенно высказать свое мнение по этому вопросу. Расчет был на то, что они в присутствии президента страны выскажутся не иначе, как положительно.

Расчет оправдался: большинство ученых так и поступило. Попытка уважаемого в научном мире профессора Кеprüлюзаде М. Фуата, являющегося почетным доктором Гейдельбергского университета (Германия), высказать против указанного тезиса некоторые сомнения встретила такие яростные нападки, что он был вынужден дипломатично отступить.

Далее в вышеназванном отчете говорится:

«Только профессор Заки Валиди, российский турк необычайных способностей, имеющий большое политическое прошлое и всегда выделяющийся среди коллег своей честностью, упорством и характером, отважился высказаться строго по существу. Он опроверг тезис, что Туркестан вплоть до сегодняшних дней периодически подвергался засухе.

Это, разумеется, расшатывало одну из основных опор официальной точки зрения на историю, согласно которой колыбель всех культур помещалась в Туркестане, и утверждалось, что из-за постоянного расширения площади, охваченной засухой, все большая часть турков вынуждена была переселяться, в результате чего шаг за шагом весь древний мир был пронизан тюркским элементом и

пробужден к культурной жизни.

Возражения профессора Валиди потонули в буре персональных нападков на него. В числе прочего его обвиняли в измене идеям тюркизма. Тем не менее необходимо отметить, что мужественная позиция Валиди оказала на собравшихся большое впечатление. Его уверенность, исходящая, по его словам, от веления совести, вызвала шквал аплодисментов.

3. Валиди после этого инцидента как преподаватель университета сразу добровольно подал в отставку и вскоре покинул страну (сейчас он живет в Вене)».

Профессор З. Валиди в Вене обучался два года⁴⁸ и летом 1935 года с отличием защитил докторскую диссертацию. В этот период его главным учителем был историк средневековья профессор Допш. К 1 июня 1935 года я пригласил Валиди (на работу) в Бонн.

Именно предыдущей учебой в Вене объясняются последние поездки Валиди из Бонна в Австрию. Правда, непосредственно из Бонна в Вену он приехал только один раз в поисках своих знакомых. Это было в июле 1936 года. Обычно же он ездил в Предарльские горы. Целью таких многократных поездок, предпринимаемых ближе к Рождеству или Пасхе, было катание на лыжах.

В сентябре 1935 г. Валиди две недели был в Швейцарии, где на вершинах Юнгфраугебиет занимался скалолазанием. Потом по приглашению одного из своих знакомых – Эмира Хекиб Арслана – он поехал оттуда в Женеву. Но в состоявшемся там в то время мусульманском конгрессе не участвовал, так как предмет совещания его интересовал мало.

Летом 1936 и 1937 гг. по приглашению друзей З. Валиди был в Финляндии. Он знал некоторых мусульманских купцов, живущих там

⁴⁸ Профессор П. Кале допустил неточность. З. Валиди в Вене проучился 3 года.

еще со времен [Первой мировой] войны и поддерживал с ними связь. Это, прежде всего, господина Зухур Тахир из Гельсингфорса, Зинатулла Ахшен из Тампере и Абдулхак Ахшен из Терьеки. Иногда один из сыновей З. Ахшена также посещал Валиди в Бонне.

Как относятся указанные господа к большевикам, легко могло бы прояснить немецкое представительство в Финляндии. При поездке Валиди в Финляндию в этом году сыграл свою роль, между прочим, и вопрос о возможном воссоединении его семьи⁴⁹. Однако из этого ничего не получилось, кроме, быть может, появления повода для слухов о «советской шпионке».

Само собой разумеется, что профессор Валиди при своих зарубежных поездках получал у местной полиции разрешения на выезд и обратный въезд в Германию. В его турецком паспорте, конечно же, проставлены все визовые отметки.

Политическая деятельность профессора З. Валиди в России тесно переплеталась с программой создания самостоятельной исламской республики. Она должна была объединить Башкирию, Туркестан и Азербайджан и быть полностью отделенной от России. Это противоречило планам татарских лидеров, выступавших за унитарную Российскую республику, в которой российские мусульмане должны были довольствоваться культурной автономией и иметь религиозный и культурный центр в Петербурге. Татарские политики надеялись, что, если Россия останется унитарной, лидерство среди мусульман России достанется им.

С этого времени, отдаленного от нас лишь примерно на 20 лет, и поныне сохраняется противостояние между лидерами татар с одной стороны, и Заки Валиди и его сторонниками с другой. Первые

⁴⁹ В тексте: «Bei dem diesjerenigen Besuch hat nebenebei auch die Frage einer evtl. Verlobung gespielt...», что буквально означает: «При поездке этого года, между прочим, сыграл свою роль и вопрос о возможной помолвке ...». Там же. Л. 4. Видимо, профессор П. Кале имеет в виду попытку З. Валиди добиться для своей жены разрешения на выезд из СССР.

поддерживают этот конфликт под различными лозунгами. Так, в Турции они утверждали, что Заки Валиди и его сторонники являются противниками пантюркистского движения. В Германии же их объявляют друзьями большевиков.

Лидерами татар являются известные деятели: в Анкаре – Садри Максуди, а в Берлине – Гаяз Исхаки. Последний издает журнал «Яна милли юл» («Новый национальный путь»). Надо полагать, что за доносами на Заки Валиди стоят его противники из среды татарских политиков или же запуганные ими люди.

Действительное отношение З. Валиди к большевикам видно из всей предыдущей его политической деятельности. Хотелось бы еще обратить внимание на то, что большевики удерживают его жену, которую принуждали выйти замуж за коммуниста. Кроме того, они сослали его родителей. Из приложенных в переводе двух газетных статей, опубликованных 17 сентября 1937 г. в «Правде» и «Известиях»⁵⁰, видно, с какой фанатичной ненавистью большевики все еще преследуют Заки Валиди и его друзей. О борьбе Валиди против Советов в Туркестане и Башкирии имеются много специальных советских публикаций, которые рассматривают события с большевистских позиций. Они перечислены в сочинениях Валиди.

Заки Валиди еще в 1929 г. полностью отошел от политики и посвятил себя науке. Он был всегда плоть от плоти ученым. Еще до начала [Первой мировой] войны Петербургская академия [наук] командировала его для научных изысканий в Фергану и Бухару. Эмигрировав, уже в Стамбуле и Вене Валиди снова возобновил свою научную деятельность и сделал превосходные открытия.

Сейчас он закончил замечательную большую книгу о путевых заметках Ибн Фадлана. Вскоре она должна быть опубликована в

⁵⁰ Статьи назывались соответственно «Группа буржуазных националистов в Башкирии» и «Башкирские буржуазные националисты и их защитники».

издающейся в Лейдене «Библиотеке арабской географии» («Biblioteca Geographorum Arabicorum»). Об этой работе 5 октября 1937 г. им помещено большое сообщение в журнале «Умственная работа» («Geistige Arbeit»), которое прилагается.

Кроме того, З. Валиди опубликовал в издаваемом мною журнале немецкого общества по изучению Ближнего Востока две важные статьи: «Мечи германцев по арабским источникам IX-XI вв.» и «Северные народы по Бируни». Они также прилагаются.

В настоящее время профессор Валиди занят подготовкой к изданию в Индии большого исследования о географических сочинениях Средневековья, в которых имеются выдержки из трудов великого арабского ученого Бируни (умер в 1048 г.). Оно выйдет в свет в «Археологическом обзоре Индии» (Archaeological Survey of India) и в данный момент находится в печати.

В эти дни я вместе с З. Валиди занят изучением одного очень важного турецкого сочинения XVI в., которое содержит новые интересные сведения по истории Центральной и Восточной Азии.

На последней конференции востоковедов в Бонне профессор Валиди сделал очень ценное сообщение об одном из иранских языков – хорезмийском, до этого совершенно неизвестном. Этот исчезнувший 600 лет назад язык удалось ему открыть заново при сотрудничестве со специалистом по персидскому языку доцентом Лондонского института восточных исследований доктором В. Генингом⁵¹.

Печатный отчет о конференции востоковедов, на страницах 27-30 которого содержится выступление З. Валиди, я прилагаю. В дальнейшем подробные результаты этой работы должны быть опубликованы в «Известиях по Ближневосточному страноведению» (Abhandlungen fuer die Kunde des Morgenlandes).

⁵¹ Генинг Вальтер Бруно (1908-1967) – профессор Калифорнийского университета.

Научные познания З. Валиди произвели на профессора Хинца очень большое впечатление. С ним он лично беседовал в начале марта с. г. в Берлине. Именно господин Хинц вдохновил меня выступить с предложением о том, что профессор З. Валиди как выдающийся ученый заслуживает более высокого вознаграждения. Он получает с 1 апреля 1937 г. по линии министерства [науки, воспитания и народного образования], как и прежде, месячное жалование в размере 200 марок. Однако мое ходатайство в министерство после ухода профессора Хинца остается пока неудовлетворенным.

Я хотел бы также обратить внимание на то, что в настоящее время во всем мире после смерти русского ученого профессора Бартольда в Ленинграде профессор З. Валиди с его превосходными знаниями по истории и географии Центральной Азии вполне определенно является главным живым корифеем в этой области.

Думается, мы должны радоваться тому, что выдающийся ученый Заки Валиди, подвергающийся со стороны большевистской России преследованиям с фанатичной ненавистью, нашел в Германии скромное пристанище. Нам нужно стремиться к тому, чтобы улучшить его положение.

Научные изыскания профессора Атия ничуть не мешают исследованиям профессора Валиди. Профессор Атия является прежде всего историком средневековья и превосходным специалистом по истории крестовых походов. Они отлично дополняют друг друга в научной и учебной деятельности. Содружество этих двух превосходно, по-европейски образованных восточных ученых на востоковедческом семинаре Боннского университета поставило семинар на такую высоту, которая признается всей мировой ориенталистической наукой,

Уважаемый директор Лондонского института восточных

исследований сэра Дэнисон Росс⁵², который хорошо знает обоих ученых, на днях сказал мне: «В Европе есть три выдающихся европейски образованных ученых с Востока. Двоих из них имеете Вы в Бонне (Заки Валиди и Атия), третий (Казвини)⁵³ находится в Париже». Эти слова всемирно известного английского специалиста, в которых невольно проявлялась и некоторая зависть, прозвучали как знак признания наших коллег. Мнение сэра Дэнисона Росса еще раз подтверждает, что Заки Валиди является выдающимся ученым и неординарной личностью.

Подпись: П. Кале⁵⁴.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 16-21.

ПИСЬМО

**председателя Финно-угорского общества Финляндии
Арттури Каннисто профессору Боннского университета
З. Валиди о присвоении ему звания члена-корреспондента
этого авторитетного в мире научного общества.**

3 декабря 1937 г.

Многоуважаемый господин профессор!

Чсть имею сообщить Вам, что 2 декабря с. г. Финно-угорское общество в знак признания Ваших выдающихся научных заслуг на своем годичном собрании присвоило Вам, многоуважаемый господин профессор, звание члена-корреспондента общества.

В надежде, что Вы примете это почетное звание и впредь будете

⁵² Росс Денисон (1871-1940) – известный востоковед.

⁵³ Казвини Мирза Мухаммед (1877-1947) – видный иранский литературовед и текстолог, в 1903-1940 годах работал в Лондоне, Париже и Берлине над персидскими и арабскими рукописями.

⁵⁴ Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный З. Валиди. В памяти своих современников. Уфа, 2000. С.21

плодотворно сотрудничать с нами, разрешите выразить Вам, многоуважаемый господин профессор, мое совершенное почтение.

Диплом будет выслан Вам в ближайшие дни.

С совершенным почтением

подлинник подписал: председатель Финно-угорского общества
Арттури Каннисто⁵⁵.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди.
В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 22.

ХОДАТАЙСТВО

**ректора университета Георга-Августа в Геттингене
министру науки, воспитания и народного образования
Германии о переводе лектора-профессора, доктора
Ахметзаки Валиди из Боннского в Геттингенский университет
22 января 1938 г.**

В прилагаемом ходатайстве декан философского факультета просит о том, чтобы лектор-профессор, доктор Ахметзаки Валиди был переведен из Боннского университета в Геттингенский университет. Я препровождаю данное ходатайство, поддерживая его, дальше по инстанции.

Подпись: Фр. Нойманн

Геттинген, 25.1.1938.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди.
В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 23.

ХОДАТАЙСТВО

декана философского факультета Геттингенского университета

⁵⁵ Юлдашбаев А.М. Указ соч. С. 22

**профессора Хинца министру науки, воспитания и народного образования Германии о переводе лектора-профессора, доктора Ахметзаки Валиди из Боннского в Геттингенский университет
22 января 1938 г.**

В качестве директора семинара по Ближнему Востоку и декана я вношу этим предложение лектора-профессора, доктора Ахметзаки Валиди, работающего в Боннском университете, с 1 апреля до 1 октября 1938 года перевести в наш университет. Директор Боннского семинара по ориенталистике профессор Кале с этим всецело согласен.

Профессор Заки Валиди обрел известность как исследователь Туркестана, и его сотрудничество с моим семинаром заслуживает одобрения. Его основной обязанностью будет введение слушателей в курс сложнейших проблем тюркской Средней Азии.

Профессор Заки Валиди получал до сих пор из средств министерства ежемесячный оклад в размере 200 марок. Я был бы чрезвычайно благодарен, если этот оклад был увеличен до 300 марок. Его замечательные научные способности и потребность, которую университет к нему испытывает, с любой точки зрения оправдывает подобное повышение размера его оклада.

Хинц

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди.
В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000.С. 23-24.

ХОДАТАЙСТВО

**декана философского факультета Геттингенского университета
профессора Хинца министру по науке, воспитанию и
народному образованию Германии о повышении оклада
профессору Ахметзаки Валиди**

20 июня 1938 г.

Ссылаясь на предписание от 25 марта 1938 года, я предлагаю этим [письмом] профессора, доктора Заки Валиди в Бонне направить на зимний семестр 1938-1939 гг. в Геттингенский университет, так как вышеупомянутое ходатайство было принято во внимание и со стороны господина министра.

Насколько мне известно, профессор Кале из Бонна вновь направил ходатайство в министерство с просьбой, чтобы месячный оклад господина профессора Заки Валиди был повышен от 200 до 300 марок. Я желаю этим прошением решительно присоединиться к его мнению, так как мне представляется, что профессор Заки Валиди своими чрезвычайными научными способностями такое повышение оклада вполне заслуживает.

Хинц,
Геттинген, 30 июня 1938 г.
Ректор университета ознакомлен
и препровождает дальше по назначению.
Фр. Нойман

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди.
В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 25.

ДОНЕСЕНИЕ
декана философского факультета Геттингенского университета
министру по науке, воспитанию и народному образованию
Германии о решении профессора Тогана вернуться в
Стамбульский университет

21 октября 1939 г.

Профессор Ахметзаки Валиди Тоган, работавший ранее в Геттингене, а ныне вернувшийся на литературный факультет Стамбульского университета, в своем письме от 9 октября 1939 года

сообщил мне, что он на время войны возобновляет свою работу в Стамбульском университете и начнет занятия с 1 ноября сего года. Он обсудил перед отъездом данный свой план с господином Хинцем. Переговорив с профессором Хинцем, я хочу Вас просить с конца октября прекратить начисление жалованья профессору Тогану, но прошу также, чтобы и в дальнейшем ему было разрешено числиться гонорар-профессором Геттингенского университета. Профессор Хинц желает, чтобы господин Тоган после войны вновь продолжил свою педагогическую деятельность в здешнем семинаре по Ближнему Востоку.

Подпись,

Геттинген, 24 октября 1939 г.

Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди. В памяти своих современников. Уфа, «Китап», 2000. С. 27.

III. Документы о политической деятельности

3. Валиди в Башкортостане (1917-1920 гг.)

№ 356

**Выписка из протокола № 71 заседания Оргбюро
ЦК РКП(б) о положении в Башкирии.**

26 сентября 1921 г.

Слушали: 17. О положении в Башкирии (присутствовали: тт. Бишев, Адигамов, Ахмедуллин Фатхей, Кривов, Уншлихт)

Постановили: 1) По вопросу об экономическом отношении СССР и РСФСР и Большой Башкирии предложить НКН в месячный срок изучить вопрос и доложить результаты Оргбюро ЦК

... 8) Обязать тт. Муртазина, Бишева и Халикова издать за

собственными подписями воззвание к трудящимся Башкирии о братской солидарности русских и татаро-башкирских рабочих и крестьян и о необходимости беспощадной борьбы с контрреволюционной националистической группой Валидова.

Образование БАССР. Сб. док. и материалов.
Уфа, 1959. С. 623.

№359

Воззвание V Всебашкирской партийной конференции «Ко всем членам РКП(б) БАССР о национальной борьбе в БАССР и Валидове».**

24 января 1922 г.***

Целый ряд вопросов национальной политики нашел свою оценку и разрешение на X съезде нашей партии, и проведение их в жизнь стало вопросом чисто практическим, зависящим от умения партийных и советских органов.

Не приходится скрывать, что проведение на деле практический мероприятий, вытекающих из политики РКП(б), в Башреспублике встречало иногда непонимание в самой организации. Часть башкирских работников впадала в «крайность» в процессе внутрипартийной борьбы, националистический уклон брал вверх, интересы нации и мелкобуржуазной интеллигенции становились надклассовой политикой партии, к этому прибавлялся личный элемент властвования.

С другой стороны, часть организации оказывалась под влиянием русификаторских элементов или товарищей, которые недооценивали чрезвычайное значение применения нашей тактики и работы к

** См. док. № 357

*** Дата опубликования.

национальным и экономическим особенностям в целях ликвидации тяжелого наследия царизма.

В 1920 году первый Ревком во главе с Валидовым позорно сбежал из пределов Советской России. Имя Валидова связано с национальной борьбой, идущей против Советской власти. Последнее время «валидовщина» стала кличкой как национальной группировки внутри партии, не отмежевавшейся своевременно от Валидова, так и националистической мелкобуржуазной интеллигенции, не порвавшей с ним идеологической и фактической связи.

В настоящее время деятельность Валидова вполне выяснена. По материалам ВЧК, сбежав из Советской России, Валидов вступил в связь с мусульманским буржуазным Востоком. Начав с расхождений в национальной политике, Валидов скатился в лагерь империалистической буржуазии, стал ее слугой и врагом трудящихся и Советской власти. Так неминуемо должно случиться со всяким, кто выступает против РКП(б) и Советской власти. Установлено, что Валидов организовывал банды басмачей в Бухаре и Туркестане в целях свержения Советской власти. Валидов является контрреволюционером, с которым должно быть такая же расправа, как и с Махно, Савинковым, Петлюрой и др. агентами мировой буржуазии.

Совершенно ясно, что когда речь идет о связи с Валидовым, о содействии ему, то это является изменой Советской власти, которая будет преследоваться со всей суровостью. Конференция доводит об этом до всеобщего сведения.

Вместе с тем, конференция подчеркивает, что недопустимо огульно обвинять всех товарищей, работавших при Валидове, с которыми бывают разногласия по практическим вопросам и тактическим приемам работы в Башкирии, и позорить их названием «валидовцев», подводя этим самым товарищей под категорию

контрреволюционеров и ставя их вне партии и вне закона. Организация должна решительно бороться с демагогией на этой почве, с травлей, используемой часто в личных и групповых целях.

Все разногласия по практическим вопросам национальной советской политики в БССР получают правильное решение внутри партии.

Конференция, обращая внимание башкирской интеллигенции на все это, в частности отмечает, что даже также сбившиеся с советского пути соучастники Валидова, как Юмагулов, ныне резко отмежевываются от него, как от контрреволюционера, и, сознавая куда завела их авантюра Валидова, поняли сейчас, что только Советская власть и РКП(б) способны на деле осуществить национальное освобождение и залечить упорным трудом те раны, которые нанесены туземному населению вековым угнетением буржуазии и помещиков, что только братское единение рабочих и крестьян всех наций и стран способно вырвать народы Востока из рабства империалистического капитала.

Упорная повседневная практическая работа в партии, советских, хозяйственных и культурных органах – только [она] одна способна на деле разрешить все больные вопросы нашей деятельности.

Конференция уверена, что все здоровое, все действительно желающее не политиканствовать, а работать на пользу трудящихся, – пойдет с партией.

Позор изменникам Советской власти!

Да здравствует дружная работа всех коммунистов, всех друзей Советской власти на благо трудящихся всех наций! Да здравствует III Коммунистический Интернационал!

«Известия» (г. Уфа), № 10, 24 января 1922 г., стр. 1.

№ 29

По вопросам национально-правового устройства Башкортостана

Об основах управления государством

Всебашкирский съезд по этому вопросу присоединяется к нижеследующему решению всеобщего мусульманского съезда, созванного в г. Москве: «Системой управления, широко обеспечивающей интересы и права российских мусульманских народностей, является демократическая республика, [образуемая] на *национально-территориально-федеративных началах*.

Национальности же, не имеющие специальных территории, пользуются национально-культурной автономией».

Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы В 4-х томах. Автор-составитель Б.Х. Юлдашбаев. Т. 1. Уфа, «Китап», 2002. С.138.

№ 65

Об общероссийской федерации и отношении Башкурдистана к этой федерации

1. Российская республика состоит из союза (федерации) автономных национальностей и окраин. Башкурдистан входит в *состав России как один из национально-территориальных штатов*.

2. Все штаты федеративной России равны в политических и других правах, так же и Башкурдистан.

3. Союзная власть состоит из союзной палаты с равным

количеством представителей от каждого штата, союзного правительства и союзного суда.

Ни одна из национальностей и ни один из штатов, сколько бы они ни были велики по численности населения, не могут иметь представителей в составе союзного правительства более одной трети сего правительства.

4. Во главе союзного правительства, в качестве министра-председателя, стоит союзный президент, выбранный союзной палатой депутатов на один год. Президент не может быть избираем подряд два года из одной национальности или штата.

5. Резиденция союзной власти охраняется войсками штатов одинакового количества от каждого штата.

... 16) Союзной власти не должно быть дано права, дающего возможность сконцентрировать все экономические и культурные богатства в том штате, где она имеет пребывание, а наоборот на нее должна быть возложена охрана экономическо-культурной независимости каждой нации и каждого штата.

17) Союзная власть может иметь привилегию использования природных богатств всего союза постольку, поскольку это необходимо для покрытия расходов союза. Кроме того, союзной власти предоставляется право контроля над соотношением экономических сил штатов.

Национально-государственное устройство
Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы
В 4-х томах. Автор-составитель Б.Х. Юлдашбаев.
Т. 1. Уфа, «Китап», 2002. С. 202

*Подготовленное не позднее 21 января 1918 г.*⁵⁶

Положение об автономии Малой Башкирии

1. Башкирия составляет нераздельную часть Государства Российского и представляет из себя автономно управляющуюся страну с именовани^{ем} «Малой Башкирии».

2. В своем внутреннем автономном управлении и суде официальным языком является башкирский (тюркский) язык, в сношениях же с центральными властями и управлениями и [органами управления] других автономных единиц России – русский⁵⁷. Временное употребление русского языка в башкирских учреждениях не лишает башкирского языка права быть ему официальным. В местностях Башкирии с преобладающим русским населением допускается в управлении и суде русский язык. Во всяком случае, всякие прошения, жалобы, договоры, объявления и другие бумаги частных лиц могут быть подаваемы на русском или башкирском языке...

... 10. Защита Российского Государства и автономной Башкирии является священной обязанностью каждого гражданина, живущего на территории Башкирии; от исполнения воинской повинности освобождаются лишь служители Богу всех без различия вероисповеданий.

Национально-государственное устройство
Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы
В 4-х томах. Автор-составитель Б.Х. Юлдашбаев.
Т. 1. Уфа, «Китап», 2002. С.207, 208

⁵⁶ «Условия мира (соных) должны быть те, что были приняты Башкирским правительством 21 января 1918 г.», – значит^{ся} в обзоре событий 1919 г., связанных с переходом националистов на сторону советской власти (газета «Эш», 16 марта 1919 г.). Есть основание считать, что с их стороны условием перехода ставилось осуществление национальной автономии Башкортостана, как она им представлялась в воспроизводимом далее положении. В документе употребляется еще старый стиль, замененный в России (советской) западно-европейским календарем с 1-го, ставшего 14-м, февраля 1918 г.

⁵⁷ В документе: русские.

**Улице навязали имя предателя.
Чиновники столицы Башкирии предпочитают другую историю**

С некоторых пор чиновную рать Республики Башкортостан охватила страсть к переименованиям. Так, например, Бекетовская улица стала улицей Мустая Карима, Вельская – Салавата, Малая Ильинская – Проспектом Салавата Юлаева...

НО ЕСТЬ И ТАКИЕ СЛУЧАИ, которые вызывают возмущение и протест. Так, например, еще в 1997 году Республиканская библиотека им. Крупской была переименована в Республиканскую библиотеку имени Валиди, а недавно объявлено, что это имя будет носить и одна из уфимских улиц. За что же, за какие такие заслуги этому человеку оказываются такие почести?

Говорят, что Ахмет-Заки Валили Тоган был большим ученым, внесшим значительный вклад в тюркологию. Но при этом замалчивают его «вклад» в антинародную деятельность и прямое участие в войне фашистской Германии против Советского Союза. Еще на заре Советской власти Валиди принял участие в контрреволюционной деятельности сначала в Башкирии, а затем в республиках Средней Азии. Сбежав оттуда вместе с разбитыми басмачами, он перебрался в Турцию, однако и там не успокоился, переехал в Германию.

В 1935 году Ахмет-Заки Валиди начал работать профессором Боннского университета, для чего вступил в фашистскую партию и дал присягу на верность Адольфу Гитлеру. Каждый урок Ахмет-Заки Валиди начинал с того, что, вскинув руку в фашистском приветствии, восклицал: «Хайль Гитлер!» Студенты должны были немедленно ответить: «Зиг хайль!»

В Боннском университете Валиди получал весьма небольшое

жалованье – 200 марок, но на нехватку денег не жаловался, много путешествовал, особенно часто выезжал в горные области Австрии и Швейцарии покататься на лыжах. Откуда средства? Осенью 1938 г. Валиди перешел на работу в Гёттингенский университет, где, как выяснилось, по совместительству выполнял обязанности личного советника Гитлера по мусульманским вопросам. Надо полагать что и в Боннском университете Валиди занимался тем же самым, получая дополнительные «гонорары».

В ноябре 1938 года умер Ататюрк, а в мае 1939 г. Ахмет-Заки Валиди вернулся в Турцию. Там он устроился на работу в Стамбульский университет, одновременно возглавив турецкую резидентуру абвера. Именно на этом посту он предложил Гитлеру формировать мусульманские подразделения в составе войск СС. Предложение было принято, и приказ о формировании мусульманских частей в составе войск СС был подписан Гитлером в январе 1943 года.

В июне 1941 года, сразу после нападения гитлеровской Германии на СССР, Валиди выехал из Стамбула в Анкару, встретился там с рядом турецких политиков и обсудил с ними задачи татаро-башкирской и туркестанской эмиграции в свете этого события. В августе Валиди встречался с высокопоставленным чиновником ведомства А. Розенберга ученым-востоковедом Г. фон Менде, с которым также говорил о месте эмиграции и роли ее кадров в грядущих событиях, связанных со скорым падением советского режима под ударами германских войск. В январе 1943 года Валиди пригласили в Германию. В Берлине его разместили в респектабельной гостинице «Adion», дали задание вербовать на сторону фашистов военнопленных мусульман. По личному поручению Гитлера Валиди отбирал кадры для комплектации сформированной в 1943 году

мусульманской эсэсовской дивизии «Хадшар» (по другой транскрипции «Хандшар»). Дивизия действовала до 1944 года, когда в Белоруссии немецкое командование бросило ее затыкать очередную дыру на фронте, образовавшуюся в ходе операции советских войск «Багратион». В пинских болотах дивизия была окружена частями Красной Армии; как-то валидистам удалось из этого кольца выскользнуть, но они тут же попали в другое – на этот раз их окружили белорусские партизаны. А те, зная, какие зверства творили эсэсовцы на белорусской земле (за годы войны в Белоруссии ими было уничтожено 25% населения, т.е. каждый четвёртый), в плен эсэсовцев не брали и перебили всех валидистов до последнего.

В 1944 году по предложению Валиди была начата организация ещё одной эсэсовской дивизии – «Кама», исключительно из татарских и башкирских эмигрантов, находившихся в Турции (в рядовом составе дивизии «Хадшар» была большая примесь боснийских мусульман). Но из набранных им новоиспечённых эсэсовцев только трём тысячам удалось попасть в Германию, и, в общем, дивизия «Кама» в боях не участвовала.

Разумеется, в официальных биографиях Ахмет-Заки Валили, изданных в Башкирии, его эсэсовское прошлое тщательно замалчивается. Скрываются не только его вступление в нацистскую партию и работа в абвере, но и сам факт сотрудничества с фашистами. В большинстве биографий Валиди подробнейшим образом описываются события 20-х годов, а потом сразу начинают рассказывать о событиях 60-х годов, а о том, чем он занимался в промежутке между этими годами, не говорится. В учебнике Кульшарипова «История Башкортостана. XX век» (издательство «Китап», Уфа, 2001 г.) о сотрудничестве Валиди с Гитлером, о его работе в резидентуре абвера, о деятельности в интересах СС не

упоминается. Жизнь Валиди подана так, будто он после бегства из Средней Азии в Турцию никуда оттуда не выезжал. Автор, наверное, когда писал учебник, поленился почитать статью про Ахмет-Заки Валиди в энциклопедии «Башкортостан»

К тому же в 2005 году, к 115-летию со дня рождения соратника Гитлера, на стене Детской библиотеки была установлена мемориальная доска с изображением «выдающегося ученого». В последнее время в чиновничьих кругах республики муссируется мысль о том, что надо бы-де поставить памятник основателю «суверенного Башкортостана». Героизация фашистского прихвостня продолжается.

Денис ИГНАТЬЕВ.

«Правда», 20-23 марта 2009 г. С. 6.

Именной указатель

1. Абдразаков Амир 76.
2. Абдурахманов М. 7.
3. Абдулафа 90.
4. Абуль-Калам Азад 46.
5. Авиценна 59.
6. Адигамов А. 117.
7. Адывар Аднан 50.
8. Аллворт Эдвард 79.
9. Артем (Сергеев Ф.А.) 7.
10. Ататюрк К. 13-15, 39, 124.
11. Атия 112.
12. Аухади (Ишмурзин) 36.
13. Афрасиаб 104.
14. Ахмедуллин Фатхей 117.
15. Ахметжан 71.
16. Ахметшах 33, 34.
17. Ахшен Абдулхак 109.
18. Ахшен Зинатулла 108, 109.
19. Ачыл бек 36.
20. Байтурсун Ахмет 70.
21. Бабьш Дж. 71, 72.
22. Бартольд В.В. 9, 10, 27, 29, 31, 47, 48, 112
23. Бернхайм Э. 98, 99.
24. Бишев А.А. 117,
25. Бируни Абу аль-Райхан 30, 42, 43, 48, 53-55, 62, 99, 111.
26. Бичурин Н.Я. 21.
27. Блоше 31.
28. Богородицкий В.А. 34.
29. Браун Е.Г. 47.
30. Букейханов Алихан 70, 85.

31. Бурмистрова Т.Ю. 7.
32. Валлинштейн 45.
33. Вахитова Асма 77.
34. Витек Паул 48.
35. Волобуев О.В. 7.
36. Г. фон Менде 20, 124.
37. Габдерасул Сердар 46.
38. Гайгер Бернар 52.
39. Гариф Султан 20.
40. Гейгер 39
41. Геннинг В.Б. 53, 111.
42. Гитлер Адольф 15-17, 19, 123-125
43. Гиффен Лунс 78, 79, 80.
44. Грегори Генри 41, 42, 47.
45. Гроссет Р. 48.
46. Губайдуллин 88.
47. Денисон Росс 47, 112, 113.
48. Джафар Ал-Муктадир 15.
49. Допш 39, 108.
50. Захау Эдуард 54.
51. Зейф 39.
52. Ибн аль Факих 53, 90.
53. Ибн Хальдун 99.
54. Ибн-Фадлан 12, 15, 43, 48, 53, 89, 90, 110.
55. Игнатъев Денис 8, 125.
56. Идриси Галимжан 20.
57. Ильин И.А. 18.
58. Инан Абдулкадир (Фатхелкадир Сулейман) 38, 70.
59. Иненю Исмет 23.
60. Исхаки Гаяз 12, 110.
61. Казвини М.М. 46, 112.
62. Казем-бек 21.
63. Кале Пауль 15, 16, 40, 106, 112-115.
64. Камил Кари 36.
65. Каннисто Артурури 113.
66. Карамзин 101.
67. Катанов Н.Ф. 9, 34, 96.
68. Катрмер 31.
69. Кейкубад Гелаветдин 63.
70. Кёпрюлю Фуат 29, 50, 79, 92, 107.
71. Киекбаев Джалиль 94.
72. Ковалевский А.П. 91.
73. Конукчу Энвер 74.
74. Копперс 39.
75. Крачковский И.Ю. 9, 90, 91.
76. Кривов 117.
77. Крымский А.Ю. 90, 95.
78. Кузеев Р.Г. 95.
79. Кулешов С.В. 7.
80. Кульшарипов М.М. 4, 125
81. Ленин В.И. 11, 67, 68, 82, 85, 88.
82. Лотц Герман 99.
83. Македонский Александр 64.
84. Максуди Садри 12, 14, 110.
85. Марджани Шигабеддин 93.
86. Маркварт И. 29, 41, 47.
87. Мата Хари 21.
88. Махмут Кашгари 63, 64.
89. Махно 118.
90. Менгуберти Джалалетдин 63.
91. Мингаж 36.
92. Минорский 41.

93. Муртазин Муса 117.
94. Навои Алишер 43, 62.
95. Назаров А. 5, 9,15, 18, 19,20.
96. Неру Джавахарлал 93, 94.
97. Несеви 63.
98. Низамеддин М. 46.
99. Нихал Атсыз 24, 61, 66.
100. Нойман Фр. 16, 114, 116.
101. Озергин Муаммер 79.
102. Олжайт 31.
103. Оралтай Хасан 69.
104. Пайпс Р. 78.
105. Пейо П. 47.
106. Петлюра 118.
107. Пивовар Е. 7.
108. Прицак О.И. 89-95
109. Рахимов М. 28.
110. Рашид-ад-Дин 31, 60, 62, 104.
111. Ричард Н. Фрай 50.
112. Розенберг А. 124.
113. Савинков 118.
114. Садулла Кари 36.
115. Салих Туг 17, 55.
116. Самарканди Давлатшах 55.
117. Самойлов Ф.П. 7.
118. Самойлович А. 9.
119. Санчар Неждат 65.
120. Сара-апай 79.
121. Сартон Георг 42.
122. Сатлык Хабибназар 34, 50.
123. Сиддики З. 46.
124. Соцков Л.Ф. 17, 21.
125. Сталин И. 11, 18, 23-24, 66, 67.
126. Стечкин Виктор 8.
127. Субидей 70, 74.
128. Сулейман Демирель 68.
129. Султангалиев М. 82, 88.
130. Султангареева Розалия 77.
131. Таган Галимзян 76.
132. Тамерлан 62, 104.
133. Тахир Зухур 108.
134. Тоган Ахмет Заки Валиди 3, 5-31, 33-58, 61-70, 72, 77, 78-86, 88-102, 104-119, 123-125.
135. Тоган Исенбике 73, 95.
136. Тоган Назмия 19, 70,78.
137. Толстой Л.Н. 26.
138. Троцкий Л.Д. 11.
139. Тунгач Алп Эр 104.
140. Тургенев И.С. 26.
141. Тюркеш Алпарслан 68.
142. Узташкын Тургут 80.
143. Узтун Йылмаз 61.
144. Уншлихт 117.
145. Фирдоуси 55, 90.
146. фон Унгляубе 20.
147. Фрайман 53.
148. Фуруги Мухаммед Али 46.
149. Халиков М. 117.
150. Хамдуллаха Субхи Танрыювера 80.
151. Хамидулла М. 46.
152. Хаммер 101.
153. Хасан Такизаде Сейид 46.

154. Хекиб Арслан Эмир 108.
155. Хикмет Галиаскар 46.
156. Хинц 16, 111, 112, 114-116.
157. Чакен 36.
158. Чингизхан 62, 63, 104.
159. Шафи Алмаз 20.
160. Шиллер В. 45.
161. Шпулер Бертольд 41.
162. Штейн Орэл 47.
163. Шу 64.
164. Эберхард 64.
165. Энвер Паша 52.
166. Эрджиласун Ахмет Бижан 95.
167. Эртулгул бек 62.
168. Эртюрк Коркут 79.
169. Эртюрк Салахеддин 79.
170. Эртюрк Якын 79.
171. Юлдашбаев А.М. 33, 49, 55, 61, 65, 69, 72, 77, 78, 80, 89, 91-95, 106, 113-116.
172. Юлдашбаев. Б.Х. 120-122.
173. Юлдашев Ахнаф 94.
174. Юмагулов Харрис 119.
175. Ян К. 27.
176. Янски Герберт 5, 33.

Оглавление

Введение.....

3

Заки валиди как политик и выдающийся ученый-

востоковед.....5

Приложение.....2

9

**I. Статьи и воспоминания зарубежных ученых о
3. Валиди.....29**

Фуат Кёпрюлюзаде – Новые исследования в сфере
тюркологии.....29

Герберт Янски – Ахмет Заки Валиди
Тоган.....33

Ричард Н. Фрай – Заки Валиди как
иранист.....50

Проф. доктор Салих Туг – Вслед за великим ученым
Тоганом.....55

Нихал Атсыз – Историзм Заки Валиди
Тогана.....61

Неждат Санчар – Несколько воспоминаний об учителе Заки
Валиди.....65

Хасан Оралтай – Великий специалист Заки Валиди
Тоган.....69

Исенбике Тоган – Вспоминая
отца.....73

Тургут Узташкын – Заки Валиди как государственный
деятель.....80

Воспоминания украинского друга
ученого.....89

Проф. докт. Ахмет Бижан Эрджиласун – Методология истории Заки
Валиди
Тогана.....9

5

II. Документы пребывания З Валиди в Германии в 30-х гг....106

РАПОРТ директора востоковедческого семинара профессора П. Кале куратору Боннского университета о политических взглядах и научных достижениях профессора З.

Валиди.....106

ПИСЬМО председателя Финно-угорского общества Финляндии Арттури Каннисто профессору Боннского университета З. Валиди о присвоении ему звания члена-корреспондента этого авторитетного в мире научного

общества.....113

ХОДАТАЙСТВО ректора университета Георга-Августа в Геттингене министру науки, воспитания и народного образования Германии о переводе лектора-профессора, доктора Ахметзаки Валиди из Боннского в Геттингенский

университет.....114

ХОДАТАЙСТВО декана философского факультета Геттингенского университета профессора Хинца министру науки, воспитания и народного образования Германии о переводе лектора-профессора, доктора Ахметзаки Валиди из Боннского в Геттингенский университет.....114

ХОДАТАЙСТВО декана философского факультета Геттингенского университета профессора Хинца министру по науке, воспитанию и народному образованию Германии о повышении оклада профессору Ахметзаки

Валиди.....115

ДОНЕСЕНИЕ декана философского факультета Геттингенского университета министру по науке, воспитанию и народному образованию Германии о решении профессора Тогана вернуться в

Стамбульский
университет.....1
16

**III. Документы о политической деятельности З. Валиди в
Башкортостане (1917-1920**

гг.).....117

№ 356 Выписка из протокола № 71 заседания Оргбюро ЦК
РКП(б) о положении в
Башкирии.....117

№359 Воззвание V Всебашкирской партийной конференции «Ко
всем членам РКП(б) БССР о национальной борьбе в БССР и
Валидове»117

№ 29 По вопросам национально-правового устройства
Башкортостана
Об основах управления
государством.....120

№ 65 Об общероссийской федерации и отношении
Башкурдистана к этой
федерации.....120

№68 Дополнения к № 67 Подготовленное не позднее 21 января
1918 г.

Положение об автономии Малой
Башкирии.....122

Улице навязали имя предателя. Чиновники столицы Башкирии
предпочитают другую
историю.....123

Именной указатель
.....126

М.М. Кульшарипов, А.М. Юдашбаев

**Заки Валиди как политик
и ученый-востоковед**

Turkiston Kutubxonasi
Turkistan Library
Туркестанская Библиотека

<http://www.turklib.ru>
<http://www.turklib.uz>
<http://www.turklib.com>